

D

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ
(Серия 1-я, выпуск 50)

Джейхун Хаджибейли

**Антиисламистская пропаганда
и
ее методы в Азербайджане**

Мюнхен
1959

2000
SA
5324

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

(Серия 1-я, выпуск 50)

Джейхун Хаджибейли

**Антиисламистская пропаганда
и
ее методы в Азербайджане**

**Мюнхен
1959**

Издаваемые Институтом работы являются свободным выражением
взглядов и выводов их авторов. Издательская Коллегия Ученого Совета
Института оставляет за собой право иметь собственное суждение по
издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка разрешается при условии указания источника.

Verantwortlich für den Inhalt — R. Traho

00 SA 5324

Herausgeber und Verlag: Institut zur Erforschung der UdSSR e. V., München 26,
Schleißfach 8, Telefon 22 06 81-84. Druck: Buchdruckerei Dr. Peter Belej,
München 13, Schleißheimer Straße 71, Telefon 37 14 97.

Printed in Germany

Djeyhun Hadjibeyli

Anti-Islamic Propaganda and Its Methods in Azerbaidzhan

Djeyhun Hadjibeyli

Anti-islamitische Propaganda und ihre Methoden in Aserbaidzhan

Djeyhun Hadjibeyli

La propagande anti-islamique et ses méthodes en Azerbaidjan

München
1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача данного труда — рассмотреть и характеризовать два периода в политике Советов по отношению к мусульманам бывшей царской России: во время Октябрьской революции (1917 г.), а затем после захвата Советами власти и ее укрепления в Азербайджане (1921—1937 гг.).

Возникающие в результате сопоставления примеры резкой изменчивости политики Советов, в зависимости от их положения, представляются нам весьма актуальными именно теперь, когда коммунистическая пропаганда, проводимая во всем мусульманском мире, много говорит о «возрождении» и «свободе» религии в СССР.

Вниманию исследователей предлагаются образцы коммунистической антирелигиозной деятельности, которые могут служить историческими документами.

Автор настоящего труда не углубляется в подробный анализ большевистских антирелигиозных тезисов и не вступает в полемику с их авторами, так как это не входило в его задачу.

Р. Трахо

I. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИСЛАМ

Оторванные от Запада политически и идеологически и вынужденные вести борьбу против белых движений и интервенции, большевики в первый период Октябрьской революции должны были найти себе союзников из числа тех, которые в свое время были недовольны политикой царской России, а теперь и западных держав. Этими союзниками являлись мусульманские страны самой Российской империи и ближайшие к ней государства.

Такая политическая обстановка, с одной стороны, и особенности Ислама как социально-духовного фактора — с другой, принуждали большевиков применять к Исламу, как вероучению, особую политику. Она несколько отличалась от той, которую они вели по отношению к другим религиям.

Так, большевики, только что взявшие власть в свои руки, выпустили знаменательные воззвания к мусульманам России и Востока. В воззвании «К трудящимся мусульманам России» говорилось:

«Мусульмане России! Татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное право!»¹⁾.

Заверения в добром расположении советской власти к мусульманам и торжественные обещания уважать их верования и традиции повторялись советскими ответственными руководителями неоднократно.

¹⁾ «Правда», 5. 12. 1917.

Вот что говорили народам Северного Кавказа М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе в 1919 г.:

«Свободные горцы! Враги Советской власти не перестают распространять о ней гнусную ложь, будто бы Советская власть уничтожает религию, шариат и т. д.

Помните, горцы, что Советская власть и ее Красная армия идут только затем, чтобы освободить угнетенные народности от порабощения кем бы то ни было. Религию, нравы, ваши обычаи, весь внутренний уклад горцев Советская власть оставит в полной неприкосновенности и сделает все к тому, чтобы горцы Северного Кавказа стали истинно свободными в своем национальном развитии и самоопределении...»²⁾.

В том же смысле высказывался и сам И. В. Сталин, в то время комиссар по делам национальностей. Он говорил:

«Нам сообщают, что среди горских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат... Я, здесь, от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны и ложны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управлять на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же вполне правомочным обычным правом, какое имеется у других народов»³⁾.

Хотя эти документы являются только некоторым «нюансом» манифеста большевиков от 5 декабря 1917 г., они все же подтверждают основные его принципы. Но есть скептики, которые считают, что советские вожди лишь повторяли в данном случае на свой лад аналогичные декларации представителей белого движения, в частности генерала А. И. Деникина и его сподвижников, генералов А. Н. Петрова, С. Т. Руднева и других. Действительно, генерал Петров еще до приведенных выше заявлений «красных» издал особое воззвание к дагестанцам, в котором предписывал «строжайше соблюдать законы шариата»⁴⁾. Другой упомянутый генерал Руднев в 1919 г., когда происходила борьба между Советами и Добровольческой армией на территории Горской республики, сделал еще лучше: он объявил во имя «торжества» Ислама «Джихад» («Священную войну») против большевиков, чтобы прив-

²⁾ «Заря Востока», 26. 6. 1935, Тбилиси.

³⁾ «Азербайджан», июнь, 1953 г., Мюнхен, стр. 15.

⁴⁾ «Единая Россия», 11. 6. 1919, Баку, цит. по кн. «Воинствующее безбожие за 15 лет», Москва, 1932, стр. 168.

лечь на свою сторону народы Северного Кавказа. Он обратился к ним со следующим воззванием:

«Добровольческая армия, имеющая достаточно войск, орудий, аэропланов, снарядов и патронов, всемерно поддержит шариат и защитит стремящихся жить по законам Аллаха и его Пророка»⁵⁾.

В свете вышеприведенных воззваний становится ясным, кого имели в виду большевики, когда они говорили о врагах советской власти. Не трудно понять также, почему возникли т. н. «шариатские полки», сражавшиеся в рядах Красной армии. Все это связано с тактическими и психологическими ошибками вождей Белой армий.

В воззвании «К мусульманам Востока» говорилось следующее:

«Мусульмане Востока! Персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство — Совет Народных Комиссаров — против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман.

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободно определить свою политическую свободу.

Не от России и ее революционного правительства ждет вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за дележа ваших стран, от тех, которые превратили нашу родину в расхищаемую и обираемую свою колонию ...»⁶⁾.

Это воззвание было опубликовано 5 декабря 1917 г., когда Турция, имевшая большой моральный авторитет среди мусульман, находилась в войне против западных держав. Были тогда свои недоразумения с Англией и у Афганистана. Кроме того, частично была оккупирована англо-русскими войсками и территория нейтральной Персии. Момент был выбран, как будто бы, весьма удачный. После этого советское правительство отказалось от режима капитуляций и денонсировало англо-русский договор 1907 г. о разделе «зон влияния» в Пер-

⁵⁾ «Голос России», 24. 10. 1919, Баку, цит. по кн. «Воинствующее безбожие за 15 лет», стр. 169.

⁶⁾ «Правда», 5. 12. 1917.

сии, а в период сопротивления национальной Турции англо-греческому натиску Советы помогали туркам.

Такое «заботливое» отношение Советов к внешнему мусульманскому миру, в котором они видели единственного союзника в борьбе против «империалистических держав» Запада, державших в «колониальном» или «полуколониальном» состоянии подавляющее большинство мусульманских народов, не могло не отразиться и на их политике по отношению к «внутренним» мусульманам. Надо заметить далее, что советские лидеры не были профанами в отношении особенностей Ислама как вероучения. Среди сотрудничавших с ними мусульман-коммунистов было немало сведущих специалистов по мусульманскому вопросу, в том числе и «прогрессисты» первого призыва. Поэтому соответствующие советские органы приглашались иметь в виду следующие соображения Комиссариата по делам национальностей, дающие нам представление о первоначальном взгляде большевиков на Ислам: Ислам — самая молодая из великих религий, и поэтому «самая крепкая и сильная». Тогда как в других религиях преобладают чисто духовно-этические элементы, Ислам содержит также гражданско-политические основы, так как шариат является кодексом законов и правовых норм, регулирующих все стороны жизни мусульманина. Ислам с его «гражданско-политическими мотивами крепко всосался в организм его исповедующих», а потому «борьба с ним труднее и сложнее»⁷⁾. Мусульманское духовенство более «прочно», чем духовенство других исповеданий. Оно более тесно связано с паствой, чем духовенство православное: одна мечеть обслуживает от 700 до 1 000 чел., тогда как у православных один церковный приход обслуживает от 10 000 до 12 000 чел. Функции мулл гораздо значительнее и разнообразнее, чем у православных священников. Муллы, кроме того, выбираются, тогда как священники назначаются.

С другой стороны, международное социально-экономическое положение мусульманских народов в последние столетия тоже диктует сугубую осторожность в антиисламистской пропаганде. 300-миллионный мусульманский мир⁸⁾ в своем подавляющем большинстве, будучи «объектом западноевропейского империализма», склонен все еще рассматривать это господство не как экономический фактор, а как продолжение той политической агрессии против Ислама, которую христианский мир озаменовал крестовыми походами. «Внутренние» му-

⁷⁾ М. Султан-Галиев, Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман, изд. Народного комиссариата по делам национальностей, Москва, 1922. Автор этого труда — казанский татарин, один из ближайших сотрудников Сталина в бытность последнего комиссаром по делам национальностей. Ликвидирован в 1936—1938 гг. как «пантюкист» и «панисламист».

⁸⁾ По последним статистическим данным количество мусульман во всем мире выражается цифрой 330—340 млн. См. «La documentation française», 9. 8. 1952, Paris.

сультмане могли бы считать антиисламистскую пропаганду как продолжение деятельности русских миссионеров, которые, со времен покорения Кавказа вплоть до сентябрьского манифеста 1905 г., приложили не мало усердия для русификации мусульманского населения Поволжья и Урала и обращения его в христианство.

Несколько раз касался этой темы и сам председатель Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский. В 1925 г. он говорил:

«Поэтому неосторожный подход в деле антирелигиозной пропаганды среди этих народностей может вызвать воспоминания об этом гнете и быть истолкован наиболее отсталой и наиболее фанатичной частью мусульманского населения, как повторение прежнего, когда христианские массы поносили Магометову веру»⁹⁾.

В заключение Е. Ярославский советовал, чтобы антиисламистскую пропаганду поручали только «товарищам-мусульманам».

II. СОВЕТЫ В РОЛИ ЗАЩИТНИКОВ ИСЛАМА

Кроме социально-психологических мотивов, диктовавших Советам необходимость подходить к антиисламистской пропаганде с осторожностью, или же просто не торопиться с ней, существовал еще и мотив политический: большевистские вожди не могли не оценить роли и значения Ислама как оружия борьбы против держав Антанты, в первую очередь Англии. И они приняли все меры для соответствующей подготовки мусульманских масс, пострадавших при насильственном захвате их стран — Азербайджана, Северного Кавказа и др. Бакинский съезд «порабощенных народов Востока», состоявшийся в сентябре 1920 г., с участием Энвер-паши и других турецких, афганских и персидских делегатов, должен был послужить некоторой диверсией для данной цели: оттенить тяжелое чувство, навеянное кровопролитием, и сосредоточить внимание масс на освобождении 300-миллионного мира Ислама, «стонущего под игом европейских империалистов»¹⁰⁾.

Съезд признал, что «первый враг Ислама — Англия», что она «угнетает сотни миллионов мусульман», и освобождение их может произойти лишь в союзе с Советами, поэтому каждый правоверный обязан, во имя мусульманской солидарности, помочь Советам освободить мусульман — братьев по религии.

⁹⁾ «Безбожник», 8. 1. 1925, Москва.

¹⁰⁾ «Заря Востока», 17. 8. 1923, Тифлис.

Большевистская пропаганда пыталась навязать мусульманам эту немудренную тезу с помощью мулл, терроризированных первым советским натиском и вынужденных «популяризовать» ее среди своих прихожан. Отсюда множество разных митингов, а также воззваний, протестов и обращений от имени «Высшего мусульманского духовенства», наполнявших страницы советской прессы до 1926 г.

Вот некоторые выдержки из воззваний Азербайджанского духовенства, опубликованных в 1923 году:

«Турецкая нация, а быть может все мусульманство, обязаны своим спасением моральной и вооруженной поддержке Советской Федерации. Без этой помощи турки погибли бы. Таким образом, Советской власти — обязаны все мусульмане, живущие в разных концах земного шара, и поэтому они должны отплатить ей за это, всячески поддерживая и укрепляя ее. В особенности мы, азербайджанцы, без различия национальностей и религии, должны стараться поддерживать свое Советское правительство, не останавливаясь ни перед какими моральными и материальными жертвами перед своей родиной. Не поддаваясь сладким и убаюкивающим, но в действительности ядовитым словам заклятых врагов Ислама и в особенности Англии, Франции и Италии, нужно следить за их действиями, не ослабляя ни на минуту оборону нашей родины»¹¹⁾.

Далее разбираются «гнусные роли», которые сыграл каждый из «угнетателей» мусульманских народов, «обрекающих эти народы на всякие насилия». Больше всего духовенство касается Англии, «коварной», «хищной» и т. д. Она

«... угнетает Индию, Афганистан и Египет, сознательные и интеллигентные силы которых, несмотря на все свои усилия, никак не могут сбросить английское иго.

Не довольствуясь этим, хищная Англия протягивает свои лапы за Персией и Турцией, надеясь поглотить их тоже. Если бы царское правительство не было свергнуто, то без сомнения теперь и эти два государства тоже были бы поглощены. Но провозглашение Советской власти предотвратило эту печальную участь, уготованную для них русским царизмом. Царский империализм подавился этой костью, не будучи в состоянии переварить ее, и вынужден был изрыгнуть обратно. С водворением Советской власти эти два мусульманские государства были спасены»¹²⁾.

¹¹⁾ Там же.

¹²⁾ Там же.

Дальнейший текст обращения взывает, главным образом, к религиозным чувствам мусульман:

«То, что сделала с нами Англия, не поддается описанию. Она оккупировала наши святыни: Мекку, Медину, Неджев и другие священные земли и не постеснялась пролить там мусульманскую кровь, сопровождая это бесчеловечной жестокостью. Кроме оскорблений и издевательств над нашими улемами^{12)} англичане подвергли некоторых из них казни. Священные наши места стонут под грязными сапогами английских солдат. Кто посмеет отрицать все это? Спрашивается, можно ли доверять такому врагу? Нет, не поддаваясь их интригам, мы должны усилить свою бдительность»¹³⁾.*

Весь этот обвинительный акт зиждется исключительно на чувстве религиозного родства, нет даже намека на классовую солидарность: она резервирована для Запада. В этом воззвании чувствуются дух и буква пресловутого Бакинского съезда «порабощенных народов Востока». Это отзвук на пламенные речи Г. Е. Зиновьева и его коллег по Коминтерну, когда делегаты, экзальтированные этими речами, обнажали шашки в знак готовности идти на Джихад (Священную войну) против «угнетателей-империалистов». Эта большевистская роль «защитника Ислама» облачалась в настоящую символику, когда «Махкамеи Шарийе» (Духовное управление) туркестанских мусульман в благодарственной телеграмме Советам выражало свою уверенность, что советское правительство поможет мусульманам сохранить Коран Османа, переданный Самаркандскому мусульманскому приходу, и «защитать его против всех врагов» Ислама¹⁴⁾.

В воззвании азербайджанского духовенства есть еще такие строки:

«С появлением на мировой арене советской республики мы видим, что угнетатели, потеряв все свои надежды на мусульманские страны, сильно сократили свои аппетиты, ибо после спасения Турции, благодаря помощи Советской Федерации, нельзя сомневаться в том, что и остальные мусульманские страны будут вырваны из их лап»¹⁵⁾.

Отсюда «логический» вывод:

«При таком положении вещей, мы, мусульмане, должны отдать все свои силы на поддержку и укрепление Советской Федерации, не отказываясь ни от каких жертв, требуемых от нас

^{12*)} «Улемы» — мусульманские богословы, выполняющие должности судей и юрисконсультов в мусульманских государствах.

¹³⁾ «Заря Востока», 17. 8. 1923, Тифлис.

¹⁴⁾ «Правда», 24. 8. 1923.

¹⁵⁾ «Заря Востока», 17. 8. 1923, Тифлис.

для обороны страны. В особенности мы, азербайджанцы, должны стараться увеличить мощь нашей Советской Родины — Азербайджана»¹⁶).

«Панисламистские» манифестации, с резким осуждением «империалистов» и комплиментами по адресу советского правительства, происходили повсюду и при каждом удобном случае. На одном митинге, устроенном в Баку по поводу английского ультиматума Египту, шейх-уль-ислам молла ага Али-заде призывал мусульман «во имя Ислама» помочь «отсталым народам Востока», угнетаемым Англией¹⁷).

Воззвания «антиимпериалистического» характера исходили также от имени духовенства и других тюрко-мусульманских народов СССР. Мусульманский духовный съезд 1923 г. в Уфе вынес резолюцию, осудившую «агрессивную политику» Англии по отношению к Советам и к мусульманскому миру. Восторженные комментарии «Правды» по поводу этой резолюции трактовали религию далеко не в столь враждебном тоне, как позже:

«Мы знаем, что религия всегда отражала мировоззрение той или иной социальной группы в целом. Религиозные движения почти всегда были отражением определенных политических движений народных масс или отдельных групп общества»¹⁸).

Туркменское, узбекское, даже сибирское мусульманское духовенство делало то же самое. Так, Ташкентское духовное управление «Назарети-Динийе» в торжественном воззвании «Ко всем мусульманам Востока», отождествляя политику царской России с политикой Англии, заявляло:

«В противовес империалистам, в течение сотни лет не допускающим развития туземной национальной культуры мусульманских народов, советское правительство предоставило мусульманам свободу религии и создало возможность строить свои национальные государства. Советская власть несет Востоку свободу. Империалисты Англии несут ему порабощение. Пусть империалисты, высасывающие кровь из тела угнетенных наций, не забывают, что в свое время они получают от мусульман должное»¹⁹).

¹⁶) Там же. Это воззвание, не оставляющее никаких сомнений относительно его настоящих авторов, подписали следующие видные муллы Баку: шейх-уль-ислам молла ага Али-заде, Мир Мухамед Керим Мир Джафарзаде, Ахунд Абдул Рахим, молла Абдул Реуф, молла Мелик-заде, Зия Эддин Багир-заде, Мехти Али-заде.

¹⁷) «Бакинский рабочий», 28. 11. 1924.

¹⁸) «Правда», 5. 8. 1923.

¹⁹) «Правда», 28. 12. 1924. Отметим, что некоторые попытки возобновления «исламистского» мотива замечались и во время второй мировой войны.

Из этих искусно синхронизированных текстов можно заключить, какие соображения побуждали большевиков относиться к Исламу осторожно и не торопиться с открытием антиисламистского фронта в СССР.

III. НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕССИИ МУСУЛЬМАНАМ В РЕЛИГИОЗНОМ ВОПРОСЕ

В результате особой политики большевиков по отношению к мусульманам им было разрешено иметь особую легислатуру по религиозному вопросу, причем в каждой заинтересованной республике эта легислатура должна была соответствовать национальным оттенкам.

Ввиду развертывания антирелигиозной пропаганды среди мусульманского населения, органы Народного комиссариата по делам национальностей уже в 1922 году решили условно разделить это население на отдельные категории, сообразно с подготовленностью или степенью зрелости каждой из них для восприятия атеистических идей. Критерием же этой «зрелости» должны были явиться следующие факторы: развитие промышленности, достаточная пролетаризация, раннее появление периодической печати, а также известная «стабилизация» кочевого образа жизни, так как, по мнению Народного комиссариата по делам национальностей, кочевые племена вообще менее подвержены «религиозному фанатизму». Первыми по «степени зрелости» для атеистических экспериментов считались татары Поволжья, а последними — узбеки («большой процент буржуазии»). Азербайджан занимал пятое место, после Татаристана, Башкиристана, Киргизии и Крыма.

Таким образом, самыми «отсталыми» в смысле неподготовленности к восприятию атеизма оказались республики Средней Азии. Поэтому они были больше фаворизированы в смысле религиозного законодательства.

Только здесь Англия была заменена гитлеровской Германией, а советское правительство — Сталиным. Муфтий Центрального духовного управления мусульман Поволжья Расулов в телеграмме, посланной Сталину по случаю 25-летия Октябрьской революции, величал его «освободителем» мусульманского мира (См. «Le clergé de l'URSS et la Grande guerre pour le salut de la Patrie. Recueil de documents, Moscou, 1944.), а мусульманский духовный вождь Средней Азии Бабахан Абдулмеджидхан-оглы благодарил Сталина за то, что он «освободил» народы Средней Азии из под гнета царского самодержавия, и уверял, что гитлеровские войска подвергают жестоким зверствам мусульман Крыма и Кавказа. Это писалось в 1942 году, а через два года, в 1944 году, советское правительство депортировало в Казахстан и Сибирь крымских татар и некоторые народы Северного Кавказа: чечено-ингушей и карачай-балкарцев.

Так, например, конституции среднеазиатских республик 1922 года даже не упоминали об отделении Церкви от государства. Например, 7-я статья Конституции Бухарской народной республики гласила:

«В целях обеспечения за гражданами действительной и ничем не стесняемой свободы совести, признается за каждым из них право свободного исповедания избранной для себя религии и исполнения всех её обрядов и положений, поскольку выполнение таковых не будет нарушать гражданских прав других лиц»²⁰⁾.

Здесь налицо определенное решение закрепить за верующими их неотъемлемое право исповедывать в полной свободе свою религию. Такую же цель преследовала 9-я статья Хорезмской конституции того же года, гласившая, что означенная республика

«... соблюдая в полном смысле слова ничем не ограниченную свободу совести, предоставляет всем и каждому свободно выполнять свои религиозные обряды, при условии непосягательства на такое же право другого»²¹⁾.

Хотя смысл слов «при условии» не вполне ясен, все же можно видеть, что за каждым гражданином закреплялось не только неограниченная ничем свобода совести, но и его право исполнять весь ритуал, предписанный Законом Божиим.

Больше того, конституции среднеазиатских республик вовсе не содержат статьи о свободе антирелигиозной и религиозной пропаганды. Точно также отсутствуют у них декреты СССР от 23. 1. 1918 г., 22. 2. 1919 г. и 3. 8. 1920 г., уравнившие церковные и религиозные объединения одним общим положением о частных обществах и лишивших их права юридического лица²²⁾.

Что касается Азербайджана, то в его конституции, хотя и существовала статья об отделении Церкви от государства (Конституция 1923 года застала Азербайджан в составе Закавказской Федерации, поэтому было, вероятно, неудобно выделить одну из ее республик и дотировать ее особой конституцией), но ни Азербайджан, ни Абхазия не сочли нужным подкрепить эту статью особым декретом, как это сделали Армения и Грузия, не говоря уже о РСФСР, об Украине и Белоруссии.

Что же касается церковных имуществ, то в пределах Бухарской народной республики секуляризация вакуфов произведена не была. В Туркестанской республике они были в начале революции объявлены «народным достоянием» и фактически изъяты из рук духовенства и

²⁰⁾ П. В. Гидулянов, Отделение церкви от государства, Москва 1926, стр. 22, 35–36.

²¹⁾ Там же.

²²⁾ Там же, стр. 23, 36.

религиозных учреждений, но затем по декрету от 20. 6. 1922 года были снова возвращены мечетям и медресе — на содержание обоих этих учреждений, а также мулл, ученых и др.²³⁾. По другому декрету вакуфные земли могли быть использованы и учреждениями просветительного характера (декрет от 28. 12. 1922 г.). Для этого было создано особое управление из представителей Наркомпроса, Наркомюста и Наркомвнудела.

Существовала разница и относительно избирательного права. Тогда как христианские служители культа объявлялись не имеющими права ни избирать, ни быть избранными, в Азербайджане, например, особая инструкция давала это право муллам²⁴⁾, а в среднеазиатских республиках конституциями не были даже предусмотрены проскрипции в отношении духовенства. В 57-й статье Конституции Узбекистана, тогда еще Бухарской народной республики, говорилось следующее:

«Правом избирать депутатов и быть избранными пользуются все без исключения граждане БНСР обоего пола, достигшие ко дню выборов 20-летнего возраста»²⁵⁾.

В статье 58-й той же Конституции перечисляются категории лиц, лишенных избирательного права, но не указывается среди них «монашествующие и служители культов»^{25*)}, как это имеет место в конституциях других республик в отношении христианских служителей культа. Отсюда еще раз можно заключить, что означенная категория лиц пользовалась также избирательным правом.

63-я статья Конституции Хорезмской народной советской республики (теперешний Туркменистан) гласила:

«Правом избирать и быть избранными представителями трудового народа в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и пр., обоего пола граждане ХНСР, коим ко дню выборов исполнится 18 лет».

64-я статья уточняет следующим образом категорию лиц, не имеющих права быть избранными и избирать другого: это «те из служителей религиозного культа, которые известны как противники советской власти»²⁶⁾.

Мы уже были предупреждены, что туркмены, как народ кочевой, должны были быть менее требовательны по отношению к религии, чем их соседи узбеки, народ «оседлый» и «более буржуазный». Но

²³⁾ Там же, стр. 24.

²⁴⁾ Там же, стр. 277—280. См. также «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет», стр. 169.

²⁵⁾ П. В. Гидулянов, указ. соч., стр. 287.

^{25*)} Там же, стр. 287.

²⁶⁾ Там же, стр. 287—288.

важно то, что легально у них тоже не было проскрипции в отношении духовенства, не признававшего советскую власть, тем более, что определение «известные как противники советской власти» не могло служить аргументом строго юридическим.

В Туркестане, в конце 1922 и начале 1923 гг., были учреждены особым декретом суды кадиев и биев (последнее для обслуживания киргизского населения республики). Компетенция этих судов распространялась на дела брачные, наследственные, имущественные, опеку и пр.²⁷⁾. В сущности это были шариатские суды, которые существовали на Северном Кавказе по постановлению Съезда Советов Горской республики (1921 г.)²⁸⁾.

Хотя Трайнин уверял в 1923 году, что эти шариатские суды «во многих местах уже сейчас или совсем ликвидированы или потеряли свое прежнее значение»²⁹⁾, покойный Мустафа Чокаев, тогда живой свидетель того, что происходило в Туркестане в первые годы революции, уверял, что в 1924—25 гг., «во время аграрной реформы», советское правительство было вынуждено прибегнуть к помощи шариата, учитывая его авторитет, ссылаясь на священные книги и хадисы (рассказы о поступках и словах) самого Пророка Магомета³⁰⁾.

До этого в Туркестане было учреждено Махкамеи Шарийе, должествовавшее руководить духовенством, проводить реформу религиозных дел и пр. Но впоследствии оно было ликвидировано за «контрреволюционную деятельность»³¹⁾.

В 1927 году в Туркмении были ликвидированы вакуфные управления и в том же году там же и на Кавказе — шариатские и адатные суды.

«Таким образом, примерно к 1928 году мусульманское духовенство лишается всяких привилегий, которые в виде временной меры сохранялись за ним до тех пор»³²⁾.

Общеизвестно, что этот 1928-й год был общим сигналом для «штормовой атаки» против религии.

²⁷⁾ Там же, стр. 516—518.

²⁸⁾ «Жизнь национальностей», кн. 2, Москва, 1923.

²⁹⁾ Там же.

³⁰⁾ "La Revue de Prométhée, avril 1939, Paris.

³¹⁾ Н. Смирнов, Мусульманские организации на службе самодержавия и эксплуататоров, цит. «Воинствующее безбожие за 15 лет», стр. 169.

³²⁾ Там же, стр. 170.

IV. РЕАКЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА НА ANTI-РЕЛИГИОЗНУЮ КАМПАНИЮ В ЕЕ НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ

Народный комиссариат по делам национальностей, как сказано выше, ставил Азербайджан на пятое место по степени «зрелости» для освоения антирелигиозных идей, хотя по одному из признаков, которыми определялась эта «зрелость», Азербайджан мог бы претендовать на первое место, если бы, конечно, это «соревнование» преследовало иную цель: первый печатный орган появился здесь в 1875 г., гораздо раньше, чем в вышеперечисленных странах; такой город как Баку имел тоже свой пролетариат, а деревня — своих кочевников.

Все это, разумеется, ничего общего не имеет с «готовностью» восприятия атеистических идей. Азербайджанский народ был глубоко религиозным, но эта религиозность не носила у него показного, демонстративного характера. Может быть не каждый азербайджанец выполнял религиозные обряды с предписанной точностью, но он во всяком случае чтит их, а, главное, верил в Бога, и это служило для него базой его внутреннего мировоззрения, его моральных основ и его этики. Возможно, что здесь — в отношении масс — главную роль играла больше богобоязнь, чем сознание, но это не меняет самого существа вопроса о морали и этике: богобоязнь существует и у самых цивилизованных народов. Когда простой, необразованный крестьянин еще до 1926 года т. е. шесть лет спустя после советизации страны с ее последствиями, отказывался владеть конфискованными в «его пользу» помещичьими землями³³⁾ или же, взяв землю, возвращал ее прежним ее владельцам³⁴⁾, или же, наконец, вынужденный пользоваться этими землями, тайком помогал прежним владельцам³⁵⁾, — не важно, делал ли он это из богобоязни или же в силу сознания. Важно то, что у него было какое-то сдерживающее начало, которое диктовало ему отказаться от узурпированной земли, ибо пользование такой землей есть харам (запрет) по шариату.

Так именно поступали крестьяне в некоторых районах, особенно в Нахичеванском крае, к большому удивлению властей. Здесь весьма кстати процитировать одну фразу из «Учебника литературы» старого азербайджанского педагога и поэта Шаика, который писал, что «культура, проникнутая атеизмом, представляет самое большое зло для человечества».

³³⁾ «Бакинский рабочий», 6. 8. 1926.

³⁴⁾ Там же.

³⁵⁾ «Коммунист» (на азербайджанском языке), 28. 7. 1928, Баку.

Этим учебником продолжали пользоваться в советской школе до 1927 г., пока Али Гайдар Караев³⁶⁾ не осудил его на XVI партийной конференции³⁷⁾. В том же учебнике была, между прочим, помещена другая одиозная фраза для большевиков — отцовское наставление, распространенное в свое время в патриархальном Азербайджане: «Аллах справедлив. Он любит правду и справедливость», или слово «Бисмиллах» («во имя Бога»), коим начинались многие книги, которые были потом изъяты.

Но знаменательно, что все это продержалось в течение семи лет после советизации и пережило даже самый разгар похода против религиозных «предрассудков». Были даже в это время школьники, которые закрывали уши, чтобы не слышать антирелигиозных слов преподавателя³⁸⁾; находились и учителя, которые дополняли свои уроки учением из Закона Божьего³⁹⁾; встречались и члены партии с многолетним стажем, которые умудрялись совмещать марксистские требования с мусульманским вероучением и не пропускали ни одного религиозного обряда, несмотря ни на какие замечания и решения центральных и местных партийных органов. Из всего этого ясно, что представлял из себя Азербайджан до его советизации. Большевики должны были, как видим, сеять зерна своего безверия на весьма неблагоприятной почве.

Систематическая пропаганда против Ислама началась в Азербайджане, как сказано выше, не сразу. Но нельзя сказать, что, несмотря на осторожность, рекомендованную сверху, первый период советизации страны прошел совершенно безболезненно в смысле веротерпимости. Были наскоки на духовенство, известны и серьезные эксцессы, в которых принимали участие, главным образом, комсомольцы, направляемые местными коммунистами как будущая смена⁴⁰⁾; известны аресты мулл, их высылка и даже расстрелы⁴¹⁾; созывались и митинги с требованием «устройства суда над Магометом⁴²⁾». «Верноподданническая» декларация шести видных мулл Баку, о которой будет речь

³⁶⁾ Бывший член Азербайджанского парламента, из партии «Гюммет», сыгравший крупную роль в деле советизации Азербайджана и занимавший разные ответственные посты. Ликвидирован в тридцатых годах.

³⁷⁾ «Коммунист», 3. 1. 1927.

³⁸⁾ Там же, 12. 5. 1927.

³⁹⁾ Там же, 18. 5. 1928.

⁴⁰⁾ Там же, 24. 6. 1927.

⁴¹⁾ Советы официально признают факты расстрела священнослужителей без уточнения, к какой Церкви они принадлежали. В таких случаях они обвинялись в «контрреволюции». См. «Революция и Церковь», № 1, 1919 г., изд. Наркомюста, Москва: «И если некоторые из священников на местах действительно расстреляны...»

⁴²⁾ «Известия», 27. 2. 1923 г. Цитируется по «Черной книге», изд. «Русского национального студенчества», Париж, 1925.

в главе «Кампания против духовенства», объясняется результатом этих гонений.

Высшая политика Советов не ладилась, однако, при наличии этих эксцессов, тем более, что Ислам с его духовенством был нужен большевикам как одно из средств для борьбы с западными «империалистами». Поэтому все, что приводило к прямым эксцессам, было временно приостановлено, но пропаганда против «предрасудков» (мовхуматов), имеющих более или менее отдаленное отношение к религии, продолжалась.

V. КАМПАНИЯ ПРОТИВ МУХАРРЕМА

Пропаганда против наибольшего проявления религиозного фанатизма — Мухаррема потребовала от большевиков значительно больше усилий, чем пропаганда против других обрядов и против самой религии. Это объясняется тем, что до большевиков азербайджанская общественность сама пыталась бороться против излишних самоистязаний, которыми сопровождается церемония Мухаррема. Религиозное чувство населения не могло быть поэтому шокировано пропагандой большевиков. Наоборот, успех этой пропаганды был бы желателен для сознательной части населения, конечно при том условии, если бы она проводилась с тактом, не задевая чувств глубокой преданности и любви шиитов к имамам-мученикам.

Объясним, однако, прежде всего вкратце значение Мухаррема. Мухаррем — это первый месяц в арабском календаре. Десятого числа этого месяца (ашура) был убит вместе со всей своей семьей (мужского пола) и 72 верными приверженцами имам Гусейн, сын халифа Али и внук Пророка Магомета. Произошло это в шестидесятых годах Хиджры, в пустыне Кербела, в долине Ефрата. Имам Гусейн был убит войсками халифа Иезида, сыном Муавии, занявшего трон халифата. Имам Гусейн не признавал права Иезида на халифатский престол, что беспокоило последнего, опасавшегося реставраторских планов Гусейна. Узнав, что Гусейн двигается к Ираку, где ждут его сторонники, Иезид снарядил целое войско, окружил стан Имама и потребовал от него, чтобы он признал его халифом. Имам Гусейн отверг это требование и оказал геройское сопротивление войскам Иезида, хотя по сравнению с ним у него была лишь горсточка людей, и Имам погиб в неравной борьбе вместе со своими сыновьями, двоюродным братом, племянником и другими родственниками.

Это трагическое событие вызвало негодование во всем мусульманском мире, особенно у шиитов, которые день ашуры отмечают после этого траурными процессиями, сопровождающимися самоистязанием.

Как мы указали выше, азербайджанская общественность, включая и духовенство, была против самоистязаний, ничего, разумеется, не имея против почитания памяти имама-мученика более достойным образом. Мало того, когда азербайджанцам удалось начать издавать свой периодический национальный орган «Экинчи» (1875—77), они не преминули поднять свой голос против ненужных и чуждых шариату самоистязаний, а первый азербайджанский сатирический журнал «Молла Насреддин», издававшийся в Тифлисе с 1906 года, вел даже систематическую кампанию против шахсей-вахсея⁴³⁾, помещая едкие памфлеты на него и карикатуры. Но и этот журнал, несомненно, не решился бы вести этой кампании, если бы он издавался в самом Азербайджане: всякая более или менее открытая попытка выступить против этого излишнего проявления фанатизма наталкивалась на негодование масс, которые готовы были оплакивать своего Имама с оружием в руках.

После советизации страны обряд «шахсей-вахсей» был запрещен, но, повидимому, не в особенно категорической форме: рабоче-крестьянская власть не желала увеличивать числа своих врагов за счет масс. Вероятно, запрет встретил сильное сопротивление, так как правительство вынуждено было отменить его особым декретом от 1. 8. 1923 г., объявив, чтобы

«... никаких мер административно-принудительного характера против празднования мусульманами-шиитами шахсей-вахсея в уездах Азербайджанской ССР не принимали»^{43)}.*

В Грузии, однако, в том же году был издан декрет о запрещении церемоний шахсей-вахсея.

В общем, в вопросе о самоистязаниях во время почитания памяти имама Гусейна, его родных и приверженцев, для советского пропагандиста открывалась дорога уже проторенная. Он широко пользовался ей, ведя одновременно борьбу и против шахсей-вахсея, и против мулл, которые, вероятно, всегда будут служить козлом отпущения в антирелигиозной борьбе. Советская пропаганда будет умышленно смешивать роль мерсиехана⁴⁴⁾ с ролью муллы, тем более, что одеяние у обоих одинаковое.

Чтобы внимательно проследить за различными фазами советской пропаганды против Мухаррема и методами, применяемыми ею в Азербайджане, мы берем период наиболее интенсивный, т. е. годы 1924—1928.

⁴³⁾ «Шахсей-вахсей» — сокращенное восклицание во время самоистязаний у шиитов, что означает «Шах Гусейн, вай Гусейн («вай» — горе).

^{43*)} П. В. Г и д у л я н о в, указ. соч., стр. 64.

⁴⁴⁾ «Мерсиехан» — полудуховное лицо, передающее нараспев трогательные подробности Кербелинской трагедии.

Надо сказать, что в предотвращении самоистязания и других мучительных форм почитания памяти святых мучеников прогрессивные мусульмане, как шииты, так и сунниты, ничего не имели бы против советской пропаганды, но в оценке личности имама Гусейна и его близких родных, которые мужественно разделили его участь, шииты были непоколебимы. Невозможно отделить культ Имама от культа самой религии. Авторитет Имама и его родни у шиитов настолько высок, что клясться в народе именем имама Гусейна или именем его двоюродного брата Хазрата Аббаса, было более убедительным, чем клясться именем Аллаха.

Большевики, несомненно, учитывали это. Поэтому они приложили больше усилий для борьбы против Мухаррема, нежели против других религиозных обрядов, тем более, что в этих самоистязаниях участвовала именно та самая масса, которую большевики подготовляли для изучения марксистской «премудрости».

1924—1925 гг. В 1924 году «Азкино» решило заснять процессию шахсей-вахсея в сел. Шихово, около Баку. Однако, ввиду протестов верующих, эта съемка была приостановлена⁴⁵⁾.

Средством пропаганды служила поэтому прежде всего пресса: статьи, памфлеты, карикатуры, в которых осуждались даже партийцы, принимавшие участие в процессиях и самоистязаниях, а затем серия докладов, устраивавшихся в промышленных районах, стенгазеты, спектакли в уездах. Но, как сообщала сама советская пресса, «невыдержанные и кустарные постановки» азербайджанских драматических кружков не могли «удовлетворить запросов трудящихся».

Наряду с памфлетами и карикатурами, в прессе встречались и статьи, пытавшиеся разъяснить «истинную подоплеку» мухарремской трагедии. Разумеется, те же разъяснения делали и докладчики на разных митингах, устраивавшихся на промышленных предприятиях, в клубах, школах и др. учреждениях.

1925 г. С 1925 года под лозунгом борьбы против мухарремских «предрассудков» большевики стали незаметно подбираться и к основам самой религии. По крайней мере, в тезисах, долженствовавших быть использованными пропагандистами против Мухаррема, намечалось свести все — и самое появление Ислама — к чисто материалистическим базисам. Разбирая эти тезисы, мы впервые знакомимся с тем, как большевики рассматривают появление и первоначальную эволюцию Ислама.

⁴⁵⁾ «Бакинский рабочий», 30. 10. 1924.

АНТИМУХАРРЕМСКИЕ ТЕЗИСЫ БОЛЬШЕВИКОВ

1. Кербелинское событие составляет часть той политической и экономической борьбы, которая началась среди геджазских арабов в период патриархального строя. Борьба эта началась еще при Хашеме, деде Магомета.

2. Борьба, которая велась между хашемитами и омейядами, имела целью господство над Меккой с ее рентабельными учреждениями как Кааба и ярмарка Сук-Акказ.

3. Борьба продолжалась с переменным успехом. Сражение, известное под именем «Харб-уль-Фиджар», принудило обедневших хашемитов отказаться от Мекки и подчиниться Абу-Суфьяну.

4. В эту эпоху хашемиты создали новую религию, и Магомет, в целях использования ее для завоевания потерянной власти, женился на Хадидже, считавшейся одной из богатых женщин Мекки.

Таким образом, — подчеркивает автор тезисов, — «поражение и бесправие хашемитов послужило значительным фактором появления «Ислама как религии».

5. Пионером появления Ислама и его усиления является Варака, дядя Хадиджи. Питая отвращения к идолопоклонству, он ощущал необходимость какой-либо новой религии. Варака обладал большой эрудицией, он перевел даже Евангелие на арабский язык. Хадидже, желая сделать своего мужа правителем Аравии, воспользовалась советом своего дяди и познакомила через него Магомета с греком Адасом, ученым монахом. Были использованы и его познания⁴⁶⁾.

«Так было положено основание исламу на горе Хире, вопреки желаниям омейядов и идолопоклонников. Магомет и без того обладал умением привлечь на свою сторону массы».

6. Появление новой религии все же не могло подорвать влияния укрепившихся в Мекке омейядов. Нужна была какая-то внешняя сила. Магомет ждал помощи и со стороны жителей Ясрибы (Медины), завидовавшим экономическому господству курейшитов. Мединцы не хотели подчиниться курейшитами и «дорожили личностью Магомета, борющегося против курейшитов»⁴⁷⁾. Это и послужило первым поводом к поселению Магомета в Медине.

7. После поселения в Медине, Магомет задумал подорвать торговлю Корейша с Сирией и Ираком. Во втором году Хиджры он послал из Медины отряд «с целью ограбления возвращающегося с сирийской торговли курейшитского каравана», но отряд потерпел «крупное поражение. Это событие открыло вторую эпоху междуусобной

⁴⁶⁾ «Коммунист», 8. 7. 1925.

⁴⁷⁾ Магомет сам принадлежал к курейшитскому племени.

борьбы омейядов и хашемитов». Произошли Бедр-Ахад-и Хандагские войны. В результате этих войн Магомет вышел победителем и захватил Мекку.

8. «После овладения всем Геджазом Магомет все-таки не был оставлен в покое омейядами. Для того, чтобы усмирить их, он женился на сестре Абу-Суфяна».

9. Междуусобица продолжалась и после смерти Магомета при халифах. «Омейяды в организации государства сыграли крупную роль». Муавия стал правителем Сирии, а Али, став халифом после смерти Османа, был не в силах низложить его. «Муавия в свою очередь бросил обвинение Али, назвав его убийцей Османа, и этим он привлек на свою сторону массу приверженцев и затеял Суфейн-Джемл-и Нахраванские войны. Эти войны показали, что они носили не религиозный характер, а преследовали цель борьбы за трон. И народ понял, что эта борьба есть борьба отдельных личностей. Был устроен заговор против Муавии, Али и Омар-ибн-Аса, которых считали виновниками междуусобной борьбы. В результате Али был убит в городе Куфе. Попытки убийства Омар-ибн-Аса и Муавии оказались безуспешными и Муавия был освобожден от преследований могущественного своего противника».

10. После неудачной попытки Гасана⁴⁸⁾ восстановить положение хашемитов, а также после поражения его сорокатысячной армии войсками Муавии, он заключил мир с последним и, получив от него 3 миллиона дирхемов (драхмов), оставил Ирак и поселился в Медине.

11. «Для осуществления идеи изменения форм арабского халифата, выразившихся в управлении государством по наследству, Муавия умертвил последнего противника после Али — Гасана, с помощью его жены»⁴⁹⁾.

Все, что здесь изложено, является интродукцией к самому сюжету Кербелинской трагедии. Но одновременно большевистские пропагандисты пользуются случаем, чтобы представить сам Ислам в чисто материалистическом, экономическом аспекте, не содержащем ничего духовного.

12. После смерти Гасана царство перешло в руки Иезида⁵⁰⁾. «Гусейн же не хотел подчиниться ему». Он думал восстановить прежнее положение хашемитов, но эта мечта была неосуществимой: хашемиты были бессильны, тогда как омейяды были всемогущи. Но Гусейн не оставляя своей мысли и для осуществления ее переселился в Мекку, где сблизился с Абдулла-ибн-Зубейром, «который тоже стоял за халифат

⁴⁸⁾ Сын Али, брат Гусейна.

⁴⁹⁾ «Коммунист», 7. 8. 1925; «Бакинский рабочий», 19. 7. 1925.

⁵⁰⁾ Сын Муавии.

и искал случая ослабления силы Иезида. Хотя он и был врагом Иезида, но он относился равнодушно и к Гусейну в вопросе перехода халифата к хашемитам».

13. Для подготовки почвы к образованию халифата и привлечения на свою сторону жителей Куфы, Гусейн послал туда своего двоюродного брата Муслима. Не дождавшись возвращения Муслима, Гусейн, ввиду неоднократного приглашения его в Ирак, принужден был туда выехать. Приближаясь к Куфе по берегу Ефрата, он узнал по дороге о смерти Муслима, но не имел возможности вернуться обратно, так как был окружен со всех сторон войсками правителей Куфы. Надеясь на храбрость своих арабов и на их героизм, Гусейн решил оказать сопротивление войскам Иезида. В шестидесятых годах Хиджры Гусейн был убит войсками Иезида.

«Это есть последняя внутренняя и кровавая завеса исторической борьбы между омейядами и хашемитами. Историю этой борьбы не понимают те, которые чрезмерно увлечены вопросами рая и последствиями загробной жизни».

14. «В то время, когда Гусейн надеялся на храбрость своих бедуинов и преданность народа для защиты своего законного наследия, Иезид занимался вопросами распространения высокой культуры Сирийского вилайета, завоеванного византийскими арабами. Борьба из-за наследства имеет свою основу. С одной стороны, арабизированная византийская культура, а с другой стороны, бедуинское царствование в аравийских пустынях. Гусейн сам знал, что мощная византийская культура выйдет победительницей над бедуинской пустыней. Жившие в пустыне арабы, по старой своей привычке и обрядам и многим междоусобным войнам, придали этой кровавой борьбе религиозный характер, и это не потому, что они любили Гусейна, а потому, что они не любили культуру, на которую опирался Иезид, т. е. они оставались верными диким привычкам своих предков». Таким образом, мысль об убийстве Гусейна в самой Аравии послужила поводом для многих измышлений и толкований.

В параграфе 15-м (последнем) его авторы пытаются доказать ведущую роль Персии в культивировании и использовании Кербелинской трагедии в целях эмансипации от арабского и тюркского владычества⁵¹).

Во всяком случае, из 15-ти параграфов большевистских тезисов пропагандируемая публика могла бы, в крайнем случае, допустить некоторую правдоподобность, содержащуюся в двух параграфах — 12 и 13 — о самом факте убийства Имама. 14-й параграф в глазах масс — больше, чем кощунство, не говоря уже о предшествующих параграфах, отрицающих духовные основы исламизма.

⁵¹) «Бакинский рабочий», 19. 7. 1925.

Чтобы озолотить пилюлю, большевистская пропаганда опять-таки налегает на популярные памфлеты прежних годов «Молла Насредина»: довольно удачно исполненные карикатуры и, самое главное, вполне выдержанные по форме тексты, напоминающие известных поэтов-сатириков — Хаджи Сеид Азима Ширвани (старой школы) и Сабира (современного), благо фанатическое рвение некоторых апологетов имама Гусейна дает им в руки богатейший материал.

Рассказы мерсиеханов о событиях в Кербеле содержат, помимо фактов, значительную долю легенд и мифов, где действительность смешивается с фантазией, открывая перед воображением необъятную серию неправдоподобных эпизодов и давая этим самым в руки пропагандистов материал для убийственного оружия — иронии.

Мерсиеханы черпают, обыкновенно, свои повествования из трудов, написанных известными апологетами Имама-мученика, среди которых авторитетной фигурой является Фазили Дербенди.

В одном из своих мерсие (элегия) Фазил утверждает, что в день ашуры продолжительность дня достигала 72-х часов. Это, вероятно, для того, чтобы показать еще более образно страдания Имама и его семьи, которых войска Иезида не допускали к воде. Пропагандисты из «Коммуниста» сделали это утверждение мишенью своих острот и повестили ему большое количество памфлетов⁵²⁾.

Проводилась пропаганда и с помощью театральных представлений, которая оставляла желать лучшего, тем не менее драматический кружок «Сатир-Агит» пользовался некоторым успехом. По отзыву советской прессы, представления этого кружка приносили большую культурную пользу в отношении антирелигиозной пропаганды. Если принять во внимание, что в траурные дни Мухаррема все мусульмане относятся особенно строго ко всякого рода увеселениям, то надо считать «большим успехом» тот факт, что рабочие — мусульмане, «не освободившиеся еще от религиозных предрассудков», хотя и не решаются еще «войти в зал представления», тем не менее смотрят через щели и окна «сатиру на религиозные темы»⁵³⁾.

Кроме того, до Мухаррема организовывались специальные курсы для докладчиков и пропагандистов по изучению указанных выше тезисов, по которым они должны были «просвещать массы». Созывались подготовительные собрания — нечто вроде «генеральной репетиции», просматривались заново антимухарремские брошюры, некоторые перечитывались заново, просматривались также новые фильмы и пьесы. Для партийцев устраивались особые собрания, где вырабатывались правила их поведения в дни траура и процессий. Наконец, выпускались специальные номера сатирических журналов, в том числе и «Молла

⁵²⁾ «Коммунист», 17. 7. 1925 и др.

⁵³⁾ «Бакинский рабочий», 19. 8. 1925.

Насреддин», правда «беспартийный», но ценный для местной советской власти. Из-за него местные коммунистические вельможи публично осудили народного комиссара по иностранным делам СССР Чичерина, «посмеявшегося критиковать его антиперсидские вылазки».

Антимухарремская кампания, по крайней мере в ее легальных формах, сводилась в общем к тем способам, которые мы указали. Что происходило за кулисами, об этом можно догадываться.

Подытоживая результаты антимухарремской кампании за отчетный период, наиболее богатый карикатурами и памфлетами, мы замечаем некоторый разнобой в оценках, даваемых бакинской прессой, причем «Бакинский рабочий» гораздо более оптимистичен, чем его турецкий собрат «Коммунист». О настроении в провинции у нас сведений мало. Имеется лишь кое-что о Кировабаде (б. Ганджа, 2-й после Баку крупный центр Азербайджана), и то через «Зарю Востока», орган грузинского правительства и партии. Мухарремские процессии с шахсейвахсеем проходили незаметно. Вместо 10–15 кварталов, которые раньше устраивали процессии, лишь некоторые теперь организовывали траурные шествия⁵⁴), а в деревнях церемонии проходили почти незаметно⁵⁵).

Касаясь Баку, возьмем для примера два наиболее промышленных района: Балаханский и Фабрично-заводской. В первом, по сведениям «Бакинского рабочего», благодаря антимухарремской кампании (18 «вполне подготовленных» докладчиков) «религиозные убеждения турецких рабочих и крестьян уменьшились на 60% по сравнению с прошлым годом»⁵⁶), число текье (траурных собраний внутри мечети) уменьшилось на 50%, за исключением двух селений, уличных процессий (шахсейвахсей) не было, антирелигиозные спектакли пользовались успехом, число партийцев, принимавших участие в шахсейвахсее, было минимальное «по сравнению с прошлым годом» и т. д.

Другая картина в Фабрично-заводском районе, где «большим местом являлось почти полное отсутствие агитационно-пропагандистских сил, что не дало возможности развернуть кампанию шире», где «некоторая часть партийцев-азербайджанцев не уяснила себе должного отношения к проводимой кампании»⁵⁷).

Среди партийцев, «выполнивших все мухарремские обряды», находились и «старые» — 1918–1919 годов. Один из них дал такое характерное объяснение: «Ведь мне никто не говорил, что партия и религиозные обряды несовместимы...»⁵⁸).

⁵⁴) «Коммунист», 29. 7. 1925.

⁵⁵) Там же.

⁵⁶) Там же, 12. 8. 1925.

⁵⁷) «Бакинский рабочий», 31. 7. 1925.

⁵⁸) Там же, 3. 8. 1925.

Интересно отметить тот факт, что, несмотря на декрет Грузинской ССР, запрещавшей церемонию шахсей-вахсея, она имела место и в Тифлисе. По утверждению одного члена «Комиссии по борьбе с шахсей-вахсеем» из 15—20 тысяч тюркского населения Тифлиса участвовало в церемонии человек 100—150, большей частью пришельцы из Ирана⁵⁹).

1926 год. По сравнению с прошлым годом, антимухарремская кампания прогрессировала. На этот раз на арену выступили два новых элемента: тюрчанки-азербайджанки, принимавшие участие в антирелигиозных собраниях общества «Аллахсызлар» (безбожников) во главе с председателем Комиссии по Исламу Мамед-заде. Резолюции митингов рабочих в этом году были еще более красноречивыми, с примесью «классовой борьбы» и с другими идеологическими оттенками. Приводим, для примера, одну из резолюций, которая была принята на собрании рабочих в Белом городе:

«Мы прекрасно понимаем, что Мухаррем и ему подобные предрассудки суть плоды наивности и невежества, что муллы и им подобные паразиты и дармоеды выражают идеологию имущих классов и, таким образом, толкают трудящиеся массы под иго горсти буржуазии... Мы подтверждаем возможность освобождения народов Востока от порабощения путем культурного просвещения»⁶⁰).

Но все же мухарремские церемонии кое-где продолжались. Ряд комсомольцев, принимавший участие в этих церемониях, был призван к порядку⁶¹), а коммунисты просто исключались из партии⁶²). Самоистязания, однако, в этом году происходили не везде: народ большей частью собирался в мечетях и слушал реляции мерсиеханов.

Один из случаев самобичевания был отмечен только в Нахичеванской АССР. В дело вмешался НКВД, категорически запретивший «скопление и шествие по улицам»⁶³).

О тяготении к участию в церемонии некоторой части населения свидетельствовал довольно пространный призыв ЦИКа, ЦК КП и Совета народных комиссаров Азербайджана «против мухарремских предрассудков», в котором, наряду с констатированием факта уменьшения эксцессов, отмечалось, что в некоторых местах, особенно в далеких уездах, «некоторая часть трудящихся под влиянием духовенства» продолжает предаваться «этим старым обычаям»⁶⁴). Призыв рекомендовал населе-

⁵⁹) Там же, 22 и 31. 7. 1925.

⁶⁰) «Коммунист», 28. 6. 1926.

⁶¹) Там же, 27. 7. 1926.

⁶²) Там же, № 181, 1926.

⁶³) «Бакинский рабочий», 3. 7. 1926.

⁶⁴) «Коммунист», 7. 6. 1926.

нию «сбросить с себя иго старых веков, не подпадать под влияние мулл, мерсиеханов и прочих религиозных фанатиков» и «не быть жертвой лжи и эксплуатации». Призыв заканчивался лозунгом: «Долой религиозные предрассудки и поработительные века!».

Призыв подписали Т. Шахбази, в то время зам. председателя Азербайджанского ЦИКа, и Г. Мусабеков, председатель тогдашнего Совнаркома Азербайджанской ССР.

В том же духе был составлен и другой призыв президиума Бакинского Совета Союза воинствующих безбожников. Трудящиеся призывались открыто выступить против Мухаррема и, с лозунгом «Через безбожье к ленинизму», записаться массами в Союз безбожников⁶⁵⁾.

Комсомол тоже выпустил в то время аналогичное обращение к молодежи с призывом: «Ни одного комсомольца в процессии шахсей-вахсея!» В обращении указывалось, что «иначе он (комсомолец. — Д. Х.) не может оставаться в организации, носящем имя Ленина»⁶⁶⁾.

На основании отчета о совещании по борьбе с «религиозными предрассудками», происходившем в Москве при ЦК ВКП(б), местная пресса обращала, однако, внимание на необходимость проводить антирелигиозную пропаганду в деревне «чрезвычайно медленно и осторожно». Так же она советовала поступать и по отношению к рабочим, так как «среди них много выходцев из деревни»⁶⁷⁾.

Вместо «самого тщательного, осторожного и обдуманного подхода к делу, — поучала местная партийная пресса, — об антирелигиозной пропаганде вспоминают лишь при приближении того или другого религиозного праздника». Создаются многочисленные комиссии, мобилизуется районный актив и лишь накануне праздника «начинают готовить для актива инструктивные доклады. Активист, мобилизованный незадолго до того и прослушавший доклад, «с наскока» берется за дело без достаточной подготовки. В результате получается или «резкая поверхностная агитка» или же «сухое лекционное выступление с большими погрешностями относительно истории».

В одной из статей говорилось о нескольких случаях антимухарремской кампании, когда доклады, ввиду их «резко агитационного характера и нетактичного и несерьезного подхода к вопросу, вызывали возмущение у слушателей».

Бывали случаи, когда доклад делался чуть ли не в самый день религиозного праздника, когда слушатель, «уже захваченный знакомой атмосферой, не успевал проверить свои сомнения» и оставался верным старым традициям, а продолжительное затишье, следуемое за днями праздников, стусеживало все результаты антирелигиозной кампании.

⁶⁵⁾ Там же, 18. 7. 1926.

⁶⁶⁾ Там же.

⁶⁷⁾ Там же, 24. 5. 1926.

Нетактичность или недостаточное знание религиозных моментов, — как утверждал один из авторов статьи по этому вопросу, — «убивает все значение доклада» и даже «создает полувраждебное настроение к докладчику со стороны слушателей»⁶⁸).

Как бы то ни было, кампания усиливалась, становилась более острой, более язвительной, а с приближением ашуры тон прессы принимал агрессивный, порой угрожающий характер. Говорилось о «строгих административных мерах» против фанатиков, которые, вопреки рекомендации властей и партии, будут еще предаваться самобичеванию⁶⁹).

Были приняты и некоторые прямые меры для пресечения мухарремских церемоний: мерсиеханы, особенно пришельцы из Персии, высланы, мечети взяты под надзор властей и т. д. Пресса уверяла, что «зачинщики церемоний», муллы, теперь «каются» и выступают против проявлений фанатизма.

Редакция «Коммуниста» объявила, что на этот раз борьба против Мухаррема будет вестись «не на словах, а на деле». Одновременно она извещала, что редакционный и технический персонал издательства решил целиком работать в день ашуры⁷⁰).

Памфлеты в «Коммунисте» носили агрессивную форму, задевавшую святыя чувства ревнителей имама Гусейна и его близких и оскорбительную для духовенства. Были и намеки на характерные нравы мерсиеханов и пр.

Вследствие ли административных мер или же подъема сознания трудящихся, а может быть и некоторой усталости публики, кампания 1926 года дала, по отзыву местной прессы, более положительные результаты, чем в предыдущем году. В Баку и его уезде самоистязания места не имели, были лишь текье.

Подготовка была организованной. Кампания началась за 42 дня до праздника, не считая подготовительного периода. В течение кампании были изданы и бесплатно розданы 56 000 экземпляров книг трех названий, выпущены два плаката в количестве 4 000 экземпляров, отпечатаны и вручены докладчикам 1 000 экземпляров специальных тезисов о Мухарреме, изготовлены специальные номера стенных газет, а также и журнал «Молла Насреддин», о котором мы уже говорили выше, и др.

В Баку и в его рабочих районах были открыты два семинара, подготовившие 50 докладчиков. Деятельное участие в кампании принимала живая газета «Дамга», выступавшая с удачным репертуаром. Она организовала в рабочих районах 38 живых чтений, охватив до 13 000 слушателей. Демонстрировался также кинофильм «Бисмиллах», на

⁶⁸) «Бакинский рабочий», 13. 6. 1926.

⁶⁹) «Коммунист», июль, 1926 г.

⁷⁰) Там же, 21. 7. 1926.

котором присутствовало 30 000 зрителей, среди них 1 400 женщин. Собрания с докладами для тюрчанок-азербайджанок происходили отдельно от мужчин. Антирелигиозные спектакли тоже не были забыты. В самый же день ашуры были устроены загородные экскурсии для пионеров⁷¹⁾.

Некоторым диссонансом в этой картине явилось, по сообщению местной прессы, оживленное празднование Мухаррема и Рамазана в Маштагах (крупное селение около Баку). Верующие, среди которых были члены сельсовета и комсомола, шли в мечети большими группами, совершали даже намаз, били себя в грудь и соблюдали орудж (пост)⁷²⁾.

Далее сообщалось, что муллы добились расширения помещения мечети в Баку, в одном квартале, тогда как в другом мечеть была «выстроена вновь», причем женское отделение расширили, что агитация мулл была «интенсивной», а пропаганда против религии шла «бледно»⁷³⁾.

1927 год. Несмотря на угрозы властей и на уверения прессы, что мухарремские церемонии больше не состоятся, с приближением Мухаррема обычная кампания началась вновь. Были созданы особые комиссии при районных комитетах партии. Доклады шли своим чередом и выносились резолюции. Вот, что говорилось в одной из них:

«... Мы даем наше слово сберечь нашу кровь, проливаемую за мовхуматы низких жуликов-мерсиеханов, для будущих грозных классовых боев, и как один человек, по первому призыву нашей Советской власти, выступать на защиту наших красных границ»⁷⁴⁾.

Азербайджанский ЦИК выступил со специальным обращением «К трудящимся Азербайджана против самоистязаний в дни Мухаррема». В этом обращении отмечено «персидское происхождение» обычной самоистязаний, а также материальная заинтересованность «хитрых» мулл в его применении в Азербайджане. Президиум Азербайджанского ЦИКа признавал при этом, что «против этих дикостей и раньше раздавались единичные голоса», но вместе с тем утверждал, что советская власть вскрыла классовую подноготную Мухаррема, как «результат религиозного дурмана, крепко вбитого муллами в голову масс...»

Обращение заканчивалось следующими словами:

«Рабоче-крестьянское государство не может терпеть у себя пережитков старого, поэтому общим лозунгом должно быть:

⁷¹⁾ «Бакинский рабочий», 30. 7. 1926.

⁷²⁾ «Коммунист», февраль, 1927 г.

⁷³⁾ Там же, № 45, 1927.

⁷⁴⁾ Там же, 10. 6. 1927.

«ни одного фанатика, ни одного случая самоистязания, ни одного религиозного выступления в мухарремские дни этого года».

Азербайджанский ЦИК призывал рабочих, крестьян и всех трудящихся приложить, наконец, все усилия к «окончательному искоренению этого позорного в советской стране выступления»⁷⁵⁾.

В этом обращении, связанном, в общем, с методом «прямого воздействия», бросается в глаза то обстоятельство, что имеется в виду лишь практика самоистязаний, а не проведение траура вообще. Вместе с этим делается выпад против «религиозного выступления», что не вяжется с основным мотивом обращения.

Этот «экивок» предвещал неизбежность перелома в методах пропаганды: было ясно, что будет дано место агитации, против чего перед тем выступали различные органы партии и даже общество безбожников, считая ее преждевременной («разъяснение прежде всего»).

В аналогичном воззвании, подписанном Буниат-заде, тогдашним заместителем председателя Совнаркома, впоследствии расстрелянным, также говорилось о «гнете прошлых лет», об эпохе царизма и т. д., а затем — о советской власти, которая «объявила свободу вероисповедания и полную веротерпимость...» Но, — говорилось еще в воззвании, — дикость и самоистязания... недопустимы в советском государстве». Заканчивалось оно призывом к рабочим и крестьянам «изгнать из своего трудового быта» эти «остатки времен рабства и средневекового феодализма», но требовалась прежде всего разъяснительная работа⁷⁶⁾.

Необходимо отметить, что призывы эти последовали вслед за постановлением Азербайджанского ЦИКа и Совнаркома о запрещении «религиозных манифестаций, шествий и нанесения себе разных повреждений»⁷⁷⁾. Бакинской милиции и районным исполнительным комитетам вменялось в обязанность строго выполнять это постановление, подписанное заместителем председателя Азербайджанского ЦИКа С. М. Эфендиевым и председателем Совнаркома Мусабекковым, впоследствии также расстрелянными.

Переходя к методам пропаганды, проводившейся в 1927 году, укажем, что на этот раз антирелигиозная кампания началась за два месяца до праздника Мухаррема. Большое количество активистов было привлечено для подготовки в специальных «семинарах», было созвано совещание режиссеров для выбора программ представлений в театрах и клубах. Выступления и доклады организовывались также и в «красных уголках», в казармах и т. д.

⁷⁵⁾ «Бакинский рабочий», 27. 7. 1927.

⁷⁶⁾ Там же.

⁷⁷⁾ «Коммунист», 27 и 29. 6. 1927.

Надо отметить, что одновременно созывались также особые партийные совещания, на которых присутствовали беспартийные, где обсуждались меры для пресечения «бестактных и психологически ошибочных» действий комсомола при проведении антирелигиозной пропаганды. К участию в кампании усилилось привлечение тюрчанок-азербайджанок; в женских клубах проводились «утренники» с докладами, ставились спектакли, демонстрировались кинокартины.

Фраза «в этом году было лучше, чем в прошлом» повторялась снова. На промыслах не было даже и текье, поэтому рабочие из числа верующих ходили в мечети ближайших поселков. «Практика докладов (антирелигиозных) в самых мечетях была избегнута», что означает, что раньше они практиковались. Текье в мечетях происходили без самоизбиения цепями, не считая отдельных «грудобитий». Муллы выступали против самобичевания и поддерживали докладчиков, объяснявших смысл правительственного декрета. Сельские аксакалы^{77*} в свою очередь обещали не давать места эксцессам⁷⁸⁾.

Но все же, наряду с большим прогрессом по сравнению с предыдущими годами, кое-где мухарремские церемонии имели место. Между прочим, было заметно участие в этих церемониях, и весьма активное, комсомольцев, тогда как беспартийные в них почти не участвовали⁷⁹⁾.

1928 год. С приближением праздников Мухаррема начались некоторые приготовления к антирелигиозной кампании, но в меньших, чем прежде, размерах. Карикатуры и памфлеты в печати почти отсутствовали.

Началась кампания лишь за месяц до праздников. «Семинаров» больше не было, практиковались лишь инструктивные доклады на темы: «Культурная революция и мухаррем», «Молодежь, культура и религия», «Женщины, культура и религия» и т. д. Собрания проводились в разных общественных местах в обеденное время. Спектакли, фильмы и пр. дополняли обычные пропагандные речи⁸⁰⁾.

Хотя местная пресса мало освещала в то время антимухарремскую кампанию, все же на основании того скудного материала, который теперь мы в ней находим, можно прийти к выводу, что фанатические демонстрации верующих постепенно уменьшались⁸¹⁾.

В Завокзальном же районе Баку 90% рабочих вышли в день ашур на работу. Но пресса все же осуждала деятельность безбожников: не было, мол, ни разъяснительной литературы, ни способных доклад-

77*) «Аксакалы» — старейшины.

78) Там же, 5. 6. 1927.

79) Там же, 19. 8. 1927.

80) Там же, 27. 5. 1928.

81) Там же, 20. 7. 1928.

чиков. Так, антимухарремские тезисы не могли быть использованы ввиду отказа докладчиков взять на себя ответственность за выступления с подобным материалом⁸²⁾.

1929 год. Насколько можно судить по откликам прессы за 1929 год, антимухарремская кампания велась тогда «штурмом», практиковавшимся в СССР и осужденном Сталиным в его речи на съезде комсомола. «Бригады» молодежи, состоявшие из комсомольцев и беспартийных безбожников, группировавшихся вокруг газеты «Гендж Ишчи» («Молодой рабочий»), рассылались по районам, где они стремились отвлечь верующих от траура, устраивая концерты и сатирические представления.

В самом Баку, по инициативе газеты «Ени-Йол» («Новый путь»), в вечер ашуры был устроен в местном театре «доклад-концерт» при участии артистов азербайджанской оперы, солистов консерватории и пр.⁸³⁾.

Надо отметить, что именно в этот вечер, называемый у шиитов «Шам-и-Гарибан» («Вечер скитальцев») в мечетях и даже в домах тушитися свет в знак трагической ночи, проведенной оставшимися в живых и пленными женами и детьми Имама Гусейна.

В общем, насколько, повторяем, можно судить по откликам в прессе за 1929 г., самобичевание, за весьма редким исключением, уже отсутствовало, так же как и другие формы траура. Вместо 40 дней, траурная церемония продолжалась всего 3—4 дня, и имела место только в мечетях.

Но в двух-трех местах, даже в самом Бакинском уезде, процессии имели все же место. Пресса объясняла это тем, что смысл декрета о запрещении самоистязаний был недостаточно понят населением. На всякий случай поэтому пресса рекомендовала продолжать кампанию против Мухаррема, начиная ее, кроме того, заранее⁸⁴⁾

В одном из селений (Бала-Оглан в Кубинском районе) процессия шахсей-вахсея приняла острый антисоветский характер, на что власти реагировали строго: руководитель демонстрации, Молла Даниар, был приговорен к расстрелу, а двенадцать участников — к тюремному заключению от 1 до 6 лет⁸⁵⁾.

Советская версия обвинения сводилась к тому, что участники этой процессии замешаны якобы в кулацком движении, а поводом к демонстрации послужило то обстоятельство, что мулла был недоволен конфискацией «излишков его хлеба . . . »

⁸²⁾ Там же.

⁸³⁾ Там же, июнь, 1929 г.

⁸⁴⁾ Там же, 29. 5. 1929.

⁸⁵⁾ Там же, 2. 12. 1919.

Чтобы рабочие не праздновали дня ашуры, было введено своеобразное социалистическое соревнование: рабочие какой-либо фабрики соглашались работать в день праздника и вызывали рабочих других промышленных предприятий следовать их примеру⁸⁶).

VI. КАМПАНИЯ ПРОТИВ ДУХОВЕНСТВА

Почти одновременно с кампанией против Мухаррема большевики вели агитацию и против мулл. Коммунистические пропагандисты унаследовали и здесь тенденцию некоторых «прогрессистских» кругов дореволюционной России критиковать чрезмерный консерватизм и фанатизм некоторых мулл, которые, по их мнению, препятствовали культурному прогрессу масс.

Мы вернемся еще к этому вопросу. Сначала коснемся поведения мусульманского духовенства в период советизации, когда конфисковывались вакуфы, муллы лишались права вмешиваться в семейно-гражданские дела паствы по нормам шариата, когда у них отбирались собственные их земли наравне с помещичьими, когда их лишали преподавательского права, закрывали мектебе и медресе и пр. Мусульманское духовенство вело себя в этот период иначе, нежели православное. Последнее, как известно, доходило до публичных выступлений, выпускало антисоветские воззвания и даже оказывало кое-где физическое сопротивление⁸⁷). Впоследствии оно организовало так называемую «Живую церковь». Мусульманское духовенство в то время не делало ни того, ни другого. Муллы пытались лишь провести некоторую «параллель» между учением Магомета и марксизмом. Затея эта, поощрявшаяся вначале самими большевиками, была впоследствии отвергнута ими самими с чувством оскорбленного целомудрия. Вот, в каких выражениях отзывается об этом Большая советская энциклопедия:

«Проводимая некоторыми апологетами ислама точка зрения о «коммунизме» начального ислама и о том, что Мухаммед, считавшийся основателем ислама, будто бы был револю-

⁸⁶) Там же, июнь, 1929 г.

⁸⁷) Нижегородский епископ Лаврентий, Омский епископ Сильвестр, «Братство православных приходов Петрограда» и др. публично выступали и призывали «постоять за православную веру, как стояли в старину, не дать ее на поругание чуждым ей людям» и т. д. Священник Восторгов и многие другие делали то же самое, за что они подверглись различным репрессиям со стороны советских властей.

ционером и крупным реформатором, имеет целью затушевать подлинную сущность ислама»⁸⁸⁾.

Дальше БСЭ пытается развенчать Ислам как религию, о чем мы позволим себе сказать несколько подробнее в другой главе. Возвращаясь к вопросу о поведении духовенства, заметим, что разница в этом поведении, примеры которого мы привели выше, объясняется тем обстоятельством, что для первых шла речь о революции, о смене старого режима в России, тогда как для вторых вопрос был связан с вторжением новой силы, с «вторичным их завоеванием», и оно поэтому воздерживалось от «коллаборации».

Были и другие причины. Мусульманское духовенство не забывало, что царское правительство не особенно его баловало, а местных коммунистов же оно рассматривало как чиновников или, по крайней мере, как агентов нового режима. Оно помнило также, что почти каждым русским полицейским приставом мулла рассматривался как «необходимое зло». Поэтому мусульманское духовенство было очень осторожно, вело себя тихо, старалось быть незаметным. Тень именитого муштехиды^{88*)}, повешенного в Тавризе русским отрядом, витала еще над азербайджанскими муллами, но все же, 10 лет спустя, нашелся и мулла, поднявший знамя восстания против большевиков, но об этом — ниже.

В первые периоды советизации Азербайджана, когда народ, очнувшись от иллюзий, стал реагировать на захват страны кровопролитными восстаниями (Ганджа, Карабах, Ленкорань и др.), духовенство тоже пострадало от репрессий. После подавления этих восстаний, советская власть, чтобы оградить себя от всяких нестабильных элементов, потребовала публичной декларации лоялизма по отношению Советов. В августе 1923 года появились такого рода декларации в бакинской, тифлисской и московской прессе — от имени некоторых членов партии Мусават⁸⁹⁾.

Почти в одно и то же время от имени «коллегии духовных лиц» Азербайджана, состоявшей из семи весьма видных мулл Баку, в том числе и самого шейх-уль-ислама. В первой декларации говорилось, что партия Мусават отказывается от всяких акций против советского правительства и обещает лояльно к нему относиться. То, что писала Духовная коллегия, мы предпочитаем привести дословно:

«Из всех правительств, организовавшихся с древних времен, самым справедливым и прекрасным (Sic!) является Со-

⁸⁸⁾ Большая советская энциклопедия (БСЭ), т. 18, 2-е изд., Москва, 1953, стр. 517.

^{88*)} «Муштехид» — высшее духовное лицо у мусульман-шиитов.

⁸⁹⁾ «Известия» и «Заря Востока», 17. 8. 1923.

ветская власть. Это не подлежит никакому сомнению, ибо для всякого сознательного человека ясно, что советский режим, созданный в результате открытого волеизъявления граждан, несравненно лучше абсолютизма. Конечно, мнения отдельных людей могут быть ошибочными. Но в данном случае мы можем подкрепить наше мнение ссылками на Коран, где есть определенные и ясные указания на законность и приемлемость Советской власти.

Наш пророк, уполномоченный поступать во всем совместно с народом, решал все важные вопросы на Совете («Шура»). Этот принцип оставался в силе и при его преемниках — благочестивых халифах, которые, собравшись в мечети, решали свои дела сообща»⁹⁰⁾

Далее декларация духовенства дипломатично касалась кровавых событий, имевших место в стране, чтобы несколько затемнить ответственность новых правителей за эти эксцессы и «извинить» их:

«Советская власть, возникшая революционным путем, неизбежно должна была задеть частные интересы граждан, ибо таков железный закон революции»⁹¹⁾.

Но, — утешали далее авторы декларации, —

«... по сравнению с будущим благополучием и счастьем граждан, которые в качестве задачи поставила перед собой революция, все жертвы ее окажутся ничтожными и легко забываемыми ...»⁹²⁾.

Подписавшие декларацию пытались провести некоторую параллель между самодержавием и трехлетним советским строем — в ущерб первому и в пользу второго. Главным из аргументов было восстановление мирного сожительства кавказских народов, которое одно время оказалось нарушенным «провокационными актами царского правительства»⁹³⁾. Но знаменательной частью декларации явилась известная дигрессия, долженствовавшая обратить внимание мусульман на помощь, оказанную Советами национальной Турции, и на «коварные замыслы» европейских держав, «главным образом Англии», по отношению к мусульманскому миру.

Об этой «утилитарной» роли, возлагаемой на мусульманское духовенство, мы уже говорили. Любопытно, однако, что одно не мешало другому: с одной стороны, Москва охотно пользовалась престижем му-

⁹⁰⁾ «Заря Востока», 17. 8. 1923.

⁹¹⁾ Там же.

⁹²⁾ Там же.

⁹³⁾ Там же.

сουλманского духовенства в своих конфликтах с западными державами, создавая некоторую моральную опору для Наркоминдела и Коминтерна, а с другой, она разнуздывала местных коммунистов в их настойчивой кампании против того же духовенства.

На втором конгрессе III Коммунистического Интернационала 19—27. 8. 1920 г. в Москве некоторые ораторы особенно подчеркивали роль мусульманского духовенства, и один из тезисов относительно революционного движения на Востоке утверждал, что «духовенство пользуется огромной властью в общественной жизни», так как «религия Востока есть социальная религия, освещающая многовековой общественный уклад». А в 1925 году Емельян Ярославский писал в «Безбожнике», что шариат стремится придать организации мусульманского духовенства не только «огромную духовную власть, но и экономическую силу»⁹⁴).

Раньше, во время своего пребывания в Азербайджане, в августе 1923 года, тот же Ярославский заметил, что «за последнее время в Азербайджане не было никаких сколько-нибудь значительных фактов, которые характеризовали бы острую борьбу с духовенством», и так комментировал это свое замечание:

«... и нам кажется совершенно правильной такая осторожная тактика в стране, где религиозный фанатизм питается всем мусульманским Востоком и где всякое обострение на почве религии, в свою очередь, неизбежно отразится на всем мусульманском Востоке»⁹⁵).

Поэтому, естественно, известные «формы» должны были быть соблюдены до поры до времени в кампании против мулл. Однако «инкубационный период» оказался не особенно продолжительным и уже в 1925 году «Коммунист» в своих памфлетах против мулл превосходил самого себя.

Писать эти памфлеты, кстати, было не трудно, т. к. большевики пользовались их образцами из азербайджанской народной поэзии. Известный народный поэт Азербайджана Сеид Азим Ширвани был не прочь, например, посмеяться иногда над теми «универсальными пороками», которыми наделяет каждый народ своего служителя Церкви, будь он мусульманин, христианин или иудей, — чревоугодием, корыстолюбием, фарисейством и пр. А поэт «прогрессист» Сабир упрекал даже мулл в обскурантизме, который они прививают массам.

⁹⁴) «Безбожник», 15. 2. 1925.

⁹⁵) «Правда», 22. 8. 1923.

В таком же духе выступал и упомянутый выше азербайджанский сатирический журнал «Молла Насреддин», под редакцией Мирза Джагила Мамед Кули-заде⁹⁶). В нем тоже печатались памфлеты. Сабир был одним из его главных и наиболее талантливых сотрудников. Мы думаем, что самые искусные памфлетисты «Коммуниста» прошли через молла-насрединовскую школу. Они обладают всем мастерством, требуемым правилами восточной прозоидии, плюс даром юмора, а также тонким знанием психологии масс. Пользуясь этими данными, они обслуживали интересы коммунистического атеизма в гораздо большей степени, чем все докладчики, безбожники, штурмовики, плакаты, спектакли, кинофильмы и пр. Но, по мере усиления антирелигиозного натиска, их памфлеты принимали чересчур грубый характер, шокировавший священные чувства верующих.

Тяжелые материальные условия, в которых очутились муллы после применения нового законодательства о религии и разных декретов, крайне отягощавших и их общественное положение, принуждали их искать выхода из создавшегося тупика. Некоторые отказывались от своей профессии, работали в качестве учителей, сельских писарей и т. д. По словам Нариманова, ставшего впоследствии председателем ВЦИКа, большинство мулл сделали учителями уже два года спустя после советизации⁹⁷). Так и было в действительности за неимением подготовленных учительских кадров, но это не могло продолжаться долго: соответствующие органы проводили систематическую чистку среди учительского персонала. Так, в одной лишь Шемахе было отстранено 17 учителей, оказавшихся бывшими муллами⁹⁸).

Были, однако, такие муллы, которые продолжали выполнять свои функции нелегально. Это давало большевистским пропагандистам возможность компрометировать корпорацию мулл.

Вначале советская пропаганда ограничивалась дискредитированием мулл на почве профессиональной, не касаясь деликатных тем, связанных с религией. Утверждалось, что мулла, получивший свое обра-

⁹⁶) Во время советизации Азербайджана Мирза Джагил Мамед Кули-заде эмигрировал в Персию, но вскоре, будучи популярным среди местных коммунистов, принадлежавших тогда только к партии прогрессистов, он был приглашен в Баку, где ему предоставили возможность снова издавать свой журнал. Местные коммунисты дорожили им настолько, что они протестовали против критики его Чечериным за резкие нападки на персидских «феодалов».

⁹⁷) Интервью, данное корреспонденту известной французской газеты «Le Temps» во время Генуэзской конференции. См. «Le Temps» от 1. 5. 1922, Париж.

⁹⁸) «Бакинский рабочий», 12. 9. 1926.

зование в Персии, отличается «невежественностью», не знаком с элементарными научными знаниями, но пропитан зато духом рутины, обскурантизмом, фантазиями, фикциями, предрассудками, что отражается на прихожанах, мешая им проникнуться понятиями современной культуры. Мулла — «мракобес, неспособный из-за незнания арабского языка интерпретировать даже Коран и предписания шариата», существует, мол, лишь для того, чтобы «обирать наивных мусульман» и т. д.⁹⁹⁾.

Уже в 1925 г. в прессе можно было встретить заявления, что «мулла нам не нужен», но когда какой-нибудь коммунист умирал, для отпевания и погребения родственники покойного приглашали все же муллу, который не всегда соглашался отпевать «гяура». Тогда коммунисты хоронили покойника с музыкой.

Памфлеты на мулл сопровождалась иногда и карикатурами, изображавшими их в неблагоприятном виде, например, четвероногими. В одной из карикатур, осмеивающей церемонию Мухаррема, мулла был изображен с ослиной головой: накинув на его шею недоуздок, его тащил за собой рабочий. Преподносилось подобное, как символ пробуждения пролетариата! Раньше, де, мулла, вел за собой массы, а теперь — наоборот. Памфлет, сопровождавший карикатуру, посылал муллу в Хамадан¹⁰⁰⁾. Страницы газет пестрели такими заголовками статей и газетных хроник, касающихся духовенства: «Муллы грызутся», «Животное линяет», «Выдергивайте им бороду» и т. д.

В дальнейшем имена мулл стали фигурировать в отделе происшествий и в судебной хронике, причем самым незначительным фактам придавалось большое значение. Например, использование одним муллой права «уплотнения» рассматривалось как акт «хулиганства», тогда как таких фактов можно было наблюдать сколько угодно в стране с ограниченной жилплощадью¹⁰¹⁾.

Судебная хроника содержала имена мулл, обвинявшихся в разного рода «проступках» и даже «преступлениях». Так, одного муллу, например, обвиняли в том, что он занимается «колдовством». Других обвиняли, и даже арестовывали, за «запись молитв» во исполнение желания верующих, за «насильственное присвоение» скота крестьян или же за требование возврата конфискованного имущества. Самым тяжелым для мулл и православных священников было обвинение их в «безнравственных поступках». В числе мулл, обвиненных в этом, был и 60-летний старик мечети Касим-бея в Баку. Первая газетная хроника по этому поводу не только, однако, не устанавливала фак-

⁹⁹⁾ «Коммунист», 1925—1926 гг.

¹⁰⁰⁾ Хамадан, как известно, славится количеством и качеством ослов.

¹⁰¹⁾ «Коммунист», 13. 12. 1928.

та преступления (*flagrant delit*), но даже и не пыталась этого сделать. Говорилось лишь о намерении и то в весьма туманном виде. Но вскоре газеты поспешили пополнить этот пробел всякими подробностями «дела». Состоялся суд, и мулла, несмотря на его протесты и денегации, был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Православные священники, судившиеся по тому же пункту обвинения, получили столько же лет наказания^{101*}). Характерно, что эти методы возникли сейчас с новой силой. Так, в «Правде» от 10. 5. 1959 г. помещена резкая статья, обвиняющая православное духовенство в безнравственном поведении. По утверждению корреспондентов «Правды» В. Полякова и А. Карамышева, Ставропольский архиепископ Антоний (70 лет) вместе с некоторыми священниками этой же епархии обвиняется в «аморальных поступках». Задача кампании против священников и мулл, как в прошлом, так и в настоящее время, заключается, несомненно, в попытках возбудить враждебное отношение верующих ко всему духовенству как мусульманского, так и православного вероисповедания.

Возвращаясь к нашему обзору необходимо еще отметить, что некоторые муллы становились предметом особого внимания прессы¹⁰²⁾. Так, мулла шейх Гани, весьма авторитетный и влиятельный в Баку, был обвинен в том, что он не подписал примирительной декларации «Коллегии духовных лиц», о которой мы говорили выше. Ему инкриминировали антисоветские выступления среди прихожан. Он якобы советовал верующим платить предписываемые шариатом налоги с доходов (хумс, закят^{102*}) и пр.) бывшим домовладельцам и другим «капиталистам», нищенствовавшим из-за конфискации их имущества советским правительством, так как иначе эти даения, идущие на других, «не будут угодны Аллаху»¹⁰³⁾.

Это сообщение газета сопроводила таким замечанием от себя: «Следовало бы проследить внимательно за желанием шейха Гани ожить старых разбойников».

Шейху Гани памфлетисты посвятили и много других строк, особенно когда он поехал в Кубу. Они писали:

«Ему недостаточно было ограбить и опустошить Баку, теперь он хочет проглотить и Кубу, а может быть он почувствовал силу ударов бакинской кампании».

Травля этого муллы привела к тому, что на него на улице напали два молодых безбожника, один из которых оказался русским. Газеты ничего не сообщили о характере нападения, в судебной хронике было

^{101*)} «Коммунист», 5. 2. и 10. 10. 1929.

¹⁰²⁾ «Бакинский рабочий», 31. 10. 1926.

^{102*)} «Хумс» — одна пятая часть дохода; «закят» — одна сороковая часть дохода.

¹⁰³⁾ «Коммунист», 11. 2. 1927.

лишь сказано, что мулла был спасен прохожими, которые избили нападавших. Суд приговорил хулиганов к шести и к трем месяцам принудительных работ, причем, ввиду молодости, одному из них суд смягчил наказание на одну треть¹⁰⁴). Одновременно суд приговорил к тюремному заключению и прохожих, которые избили безбожников. Через некоторое время после этого шейх Гани сам был арестован вместе с одним из своих коллег, ага Сеид Мохамедом. Оба умерли в тюремной больнице¹⁰⁵).

Такому же нападению подверглось и другое духовное лицо — мулла Джавад из Сураханов (около Баку). Нападение на него было совершено ночью, в его квартире. Трое безбожников избили его и ранили в ногу из револьвера. Суд оправдал бандитов, так как, во-первых, мулла неоднократно призывал нападавших «не вести антирелигиозную пропаганду», а, во-вторых, «характер раны на ноге не мог быть установлен в точности»¹⁰⁶).

Устраивались также так называемые показательные процессы над азербайджанскими муллами, армянскими и грузинскими священниками, которых обвиняли в инсценировке «чудес» с «политической и спекулятивной целью»: «Чудо Тазапирской мечети», «Аштаракские и Цалкинские чудотворцы» (1924 г.), «Чудо Битили» (1930 г.) и др.

Одно из них, «Чудо Тазапирской мечети» состояло в том, что лампа в мечети «горела» без керосина. Народ повалил в мечеть, начались моления, причитания и т. д., пока в дело не вмешалась милиция. Показательный процесс по этому поводу был устроен в 1926 г. одновременно с процессами в Армении и Грузии.

Более серьезные последствия вызвало «Чудо Битили», имевшее место в 1930 году в районе Шамхора. Приведем сначала советскую версию этого события:

«Весной прошлого года случилась небезизвестная дикая история с «воскресшим» из мертвых имамом, заместителем пророка Магомета, история сфабрикованная обломками мусаватистов и кулачеством. Всем известна эта фантастическая эпопея, источником которой было небольшое селение Битили, всего в 8 километрах от большой железнодорожной станции... Кулацко-поповские силы Азербайджана пустили слух об обнаруженной могиле «воскресшего» имама. К пустой битилинской яме паломничали десятки тысяч людей. Доходило до того, что даже коммунисты поддавались этому психозу. Были случаи, когда отдельные партийцы и комсомольцы рвали и

¹⁰⁴) Там же, 28. 3. 1929.

¹⁰⁵) «Возрождение» и «Борьба за Россию», Париж, 1929—30.

¹⁰⁶) «Коммунист», 9. 5. 1928.

бросали в «могилу» имама свои партийные и комсомольские билеты.

Вокруг этого «чуда» муллы подняли отчаянную свистопляску фанатизма и надувательства. Наряду с даровой наживой деньгами и натурой, шла широкая пропаганда против колхозов, против сева хлопка. Кулацкий агитпроп работал напряженно. Тогда же в Битили состоялось даже что-то вроде всеазербайджанского конгресса мулл и муштехидов»¹⁰⁷).

К этому мы должны прежде всего заметить, что муштехидов в Азербайджане не было, они находились в Персии.

Действительная же версия этого «чуда» несколько иная: население некоторых районов Азербайджана с оружием в руках препятствовало проведению коллективизации. Имел место ряд кровопролитных схваток крестьян с большевистскими отрядами. Образовалось несколько партизанских отрядов. Во главе одного из них стоял мулла Хаджи Ахунд, действовавший в вышеназванном районе (Шамхор). Население, в том числе и ряд местных коммунистов, симпатизировало партизанам и помогало им. Битилинское «чудо» было инсценировано ГПУ для того, чтобы обнаружить связи с партизанами и проверить политическую зрелость и крепость убеждений местных партийцев.

В газете «Заря Востока» сообщалось о ряде террористических актов, поджогов, убийств, угонов скота и пр., совершенных в указанном выше Шамхорском районе.

Атаки против духовенства в прессе сопровождались обычной кампанией антиклерикального характера: «Рука об руку с кулаками, нэпманами и некоторой частью интеллигенции», пользуясь «мягкостью» правительства, духовенство подымает голову и, «вооруженное религией и Кораном, всячески агитирует среди населения». Муллы, де, открывают «тайно и явно» медресе для подготовки кадров и успевают привлечь туда и интеллигенцию (студентов рабфаков, учителей и пр.). В летние каникулы они собирают учащуюся молодежь и преподают уроки Закона Божьего, «не останавливаясь перед транскрипцией Корана на латинском алфавите». Способствуют постройке новых мечетей «с электрическим освещением», где они совершают религиозные обряды «с большой торжественностью». Они теперь применяют новые методы, говорят пастве: «Раз безбожники ведут своих жен в клубы, почему бы вам не водить ваших в мечети». И как это не было раньше принято, теперь женщины ходят в мечеть вместе с мужчинами.

¹⁰⁷) Ю. Золотарев, Слет в степи, «Заря Востока», 10. 6. 1931. В Бакинской прессе мы не нашли по этому вопросу никаких материалов, кроме намека Мирзояна, секретаря ЦК Азербайджанской компартии, в его докладе на совещании партактива, где он касался деятельности Хаджи Ахунда.

Далее муллы, желая организовать единый фронт против коммунистов, отбросили в сторону прежние их распри на ритуальной почве и их деление на суннитов, шиитов, шафеи, исули, азами и прочие секты. Все они теперь «братаются» друг с другом. По уверению прессы, муллы продолжают вмешиваться в семейные дела и совершают брачные обряды по предписаниям шариата. «ЗАГС^{107*}) среди масс сводится лишь к простой форме». Духовенство вмешивается даже в депортацию беков, спрашивая трудящихся: «в чем же их вина?» Подати, установленные шариатом, как-то хумс, закят, ашар (десятичный сбор) и др. богоугодные даяния «уплачиваются гораздо регулярнее, чем государственные налоги». Наконец, мусульманское духовенство «приспособляется»: муллы изучают естественные науки, физику «и даже марксизм»¹⁰⁸⁾.

VII. БОРЬБА ПРОТИВ РАМАЗАНА¹⁰⁹⁾

Если церемонии Мухаррема не имеют ничего общего с предписаниями Корана и шариата, то Рамазан, наравне с намазом, составляет один из основных обрядов мусульманской религии. Поэтому борьба против него требовала от пропагандистов большего искусства и такта, по крайней мере, до периода прямых атак против религии.

Это затруднение было обойдено привычным для большевистских пропагандистов путем: делать вид, что Рамазан тоже выдуман муллами, как Мухаррем, Новруз¹¹⁰⁾ и Курбан-Байрам¹¹¹⁾ и др.

Надо сказать, что тяжесть исполнения этого религиозного долга не могла не быть учтена компетентными богословами: не только ничего не брать в рот с восхода солнца и до наступления сумерек, но не пить и не курить днем в течение целого месяца. Не каждый организм может вынести это испытание, не ослабев. Поэтому авторитетные комментаторы Корана, да и сам Законодатель, сделали ряд исключений в соблюдении этого правила: больные, слабые, подростки, путешественники и некоторые другие категории лиц освобождались от соблюдения поста.

^{107*)} «ЗАГС» — Отдел записей актов гражданского состояния.

¹⁰⁸⁾ «Коммунист», 28. 7. 1928.

¹⁰⁹⁾ Девятый месяц мусульманского лунного календаря, во время которого мусульмане соблюдают пост от восхода до захода солнца.

¹¹⁰⁾ День наступления весны, считающейся началом Нового Года в Иране и Азербайджане.

¹¹¹⁾ Праздник жертвоприношения.

Мало того, задолго до прихода большевиков, у некоторых мусульманских богословов выявлялась тенденция оспаривать абсолютность соблюдения оруджа¹¹²⁾ в странах с особенными климатическими или космическими условиями, как, например, крайний Север, Финляндия, Скандинавия и пр., где в летнее время день особенно продолжителен.

Так, известный богослов из казанских татар, Муса Джарулла (Бигеев), в своей монографии «Ураза в длинные дни» высказывал мысль, что религия не может требовать от человеческого организма столь тяжкого испытания — ничего не есть и не пить в продолжение 20—22 часов, хотя бы потому, что всякое самоизнурение и покушение на свое здоровье воспрещается шариатом.

Хотя это выступление популярного Имама вызвало некоторую отрицательную реакцию со стороны ортодоксального духовенства, тем не менее либеральные круги отнеслись к его мыслям довольно толерантно и с сочувствием. Все это, однако, вело к распрям среди мусульман, к некоторой недоговоренности по данному вопросу. Вместе с тем частичное отступление от этого правила за последнее время осуждается массами уж не так строго, как раньше.

Этот «комплекс» Рамазана и послужил в качестве трамплина для большевистских пропагандистов. Началась пропаганда менее резкая, чем антимухарремская, иногда даже «добродушная», перемешанная с анекдотами о «баловстве» с Рамазаном популярного среди тюркских племен комического героя Ходжа Насреддина, под разными наивными предложениями уклонявшегося якобы от соблюдения оруджа. Выносились обычные резолюции рабочих на различных предприятиях о нежелании предаваться дальше рамазанским мовхуматам¹¹³⁾ и «наполнять карманы мулл и им подобных паразитов».

По весьма любопытному совпадению, одна из этих резолюций была проголосована на Ленинской фабрике в Баку, на собрании, посвященном памяти Нариманова¹¹⁴⁾, который до революции писал в национальной («буржуазной») прессе статьи о благотворном действии оруджа на здоровье. В советской же прессе писалось совершенно противоположное: «орудж сильно истощает организм и подрывает здоровье».

Советская пресса посвящала «месяцу паразитов» памфлеты, фельетоны, рассказы и даже воспоминания о «проделках» мулл во время Рамазана.

«Коммунист» поместил статью под названием «Для кого предписан орудж», где проводилась следующая мысль: если бы утверждение

¹¹²⁾ «Пост» у азербайджанцев и др. тюрок в Анатолии.

¹¹³⁾ Предрассудки.

¹¹⁴⁾ Бывший председатель Совнаркома Азербайджанской АССР и ВЦИКа СССР, сыгравший видную роль в деле советизации Азербайджана и подвергшийся «чистке» после своей смерти, последовавшей в Москве в 1925 г.

мулл о полезности оруджа для здоровья было бы верно, то трудящийся класс, живущий часто впроголодь, отличался бы здоровьем. Однако «большая часть больничных коек занята именно голодными и бездомными»¹¹⁵). Но муллы никогда этого не утверждали. О полезности воздержания от всяких излишеств в пище говорит медицина.

Другими методами пропаганды были собеседования — собрания и митинги. На каждом предприятии поручалось двум-трем партийцам, а иногда и свободомыслящим беспартийным вести в продолжение месяца Рамазана собеседования об орудже с сослуживцами.

Собрания и митинги два-три раза в месяц устраивались главным образом на крупных предприятиях или в больших учреждениях.

Создавались также антирелигиозные драматические кружки. Они ставили спектакли, осмеивающие «предрассудки» Рамазана. Известная нам уже газета «Дамга» играла свою роль и здесь.

Кампания против Рамазана, да и против других религиозных традиционных праздников и церемоний, велась от случая к случаю несколько раньше наступления самих праздников. До 1926—1927 гг. пропаганда была исключительно по муллам, мерсиеханам и другим служителям культа¹¹⁶).

ТЕЗИСЫ ПРОПАГАНДЫ ПРОТИВ РАМАЗАНА

Тезисы для пропаганды против Рамазана появились лишь в 1927 году. Они довольно пространны, но грешат историческими неточностями, и попытка перевести их на «диаматские» рельсы не особенно удачна.

Вот большевистский анализ этого крайне любопытного документа:

1. Обычай поститься известен в истории всех примитивных народов. Он обуславливается беспомощностью людей перед природой. Чтобы защищаться от стихийных явлений, они прибегали к помощи тайных неведомых сил. Те силы, против которых люди не могли бороться, считались «божественными». Чтобы умилостивить богов, человек прибегал к жертвоприношениям, голоданию, и впадал в прострацию.

2. Орудж не есть закон, созданный мусульманской религией. Он заимствован у идолопоклонников Аравии до Ислама. Об этом свидетельствуют 2-я и 183-я Суры Корана: «Орудж обязателен для вас по примеру ваших предшественников».

3. Орудж практиковался также у древних египтян. Здесь это было на экономической почве: в годы убыли воды в Ниле происходил

¹¹⁵) «Коммунист», 30. 3. 1925.

¹¹⁶) «Коммунист», 1927 г.

вынужденный голод. Евреи, жившие в Египте, переняли эту экономическую катастрофу как религию и передали ее арабам.

4. После исхода из Египта, евреи продолжали страдать в Палестине от экономического кризиса и голода. Когда же они достигли более сносных экономических условий жизни, в память прежних лишений они решили поститься 3 дня в год, но это было позже упразднено.

5. Но, повидимому, орудж существовал у арабов и раньше прихода египетских евреев, особенно в Геджазе, где почва была неплодородной. Что же касается кочевых арабских племен, то они рассматривали орудж не как религиозный обряд, а как подвиг, возвышающий дух, как своего рода героизм. «Для того, чтобы не вызывать отвращения у женщин при виде нечистот, вытекающих из живота в случае ранений, бедуины — герои, идущие в бой, старались держать свой желудок пустым».

6. В последние века до Р. Х., вследствие опустошения Палестины римлянами и вторжения евреев в Аравию, эти последние ввели орудж у арабов наравне с монотеистическими идеями. В начале появления Ислама орудж еще не был в обиходе. Айе¹¹⁷⁾ о нем появился не в Мекке, а в Медине. Это является доказательством того, что Ислам принял обряд оруджа много лет спустя.

7. В первые дни Ислама орудж длился три месяца. Он был затем сокращен ввиду жалоб арабов, «стесняемых разными обстоятельствами и войнами».

Это утверждение большевистского историка-пропагандиста сопровождается следующими замечаниями:

«Это доказывает, что правила жизни меняются сообразно с ее требованиями. Все сознательные и культурные народы поступали так».

8. Орудж, может быть, происходит и от учения Сакья-Муни, которое состоит целиком из аскетизма, самоистязания и «воздержания от материальных удовольствий». «Последователи этого учения запирают себя в тесную келью и проводят там впроголодь всю жизнь и в конце концов погибают из-за ослабления организма. Их души «соединяются с витающим в небесах духом бога». Поэтому соблюдающие орудж ставят себя в такое смешное положение — «соединиться с божьим духом».

9. Орудж существовал не только у евреев и у мусульман. «Христианские народы тоже терпели иго этой ереси». Они в продолжение семи недель воздерживались от «богатых блюд, стимулирующих сознание и способности человека, чтобы питаться бесполезными полевыми травками». Если это существует еще до сих пор, то уже не в таких размерах, как у мусульман.

¹¹⁷⁾ Изречение из Корана.

10. Условия жизни примитивных людей были весьма легки. «Они питались готовой зеленью полей, сырой рыбой, и покрывались шкурами животных, мясо которых употребляли в пищу. Поэтому голод для них не был уж так ощутителен».

Авторы тезисов хотят этим самым сказать, что примитивные люди не тратили много времени и труда для добывания пищи, поэтому могли голодать, но теперь, когда время так дорого, мусульмане «не должны лишать себя возможности выполнения своих обязанностей излишним голоданием».

11. Нарушение законов питания расстраивает также физические и нервные функции организма, так как правило голодания днем и питания по ночам не оправдывается естественными требованиями, а продиктовано необходимостью.

После указаний особенной вредности голода у «крестьян, работающих в жаркие дни», авторы тезисов добавляют: «На эту тему существуют пространные разъяснения доктора Болдырева».

Вред, причиняемый оруджем мусульманам других стран оттеняется тем обстоятельством, что у них промышленность развита слабо, тогда как «в советских республиках, где человеческий труд и человеческая сила ценится слишком дорого, такой вредный обычай как орудж не может быть далее терпим, ибо здесь рабочие имеют известное обязательство: поднять собственную промышленность и увеличить продукцию, чтобы освободиться от господства иностранной промышленности и не склонять голову перед мировым капитализмом». Орудж отдаляет турецких трудящихся от «новой жизни, ведущей их к социализму: они не сумеют тягаться с другими трудящимися на пути к прогрессу»¹¹⁸).

Не знаем, насколько эти тезисы оказались убедительными для трудящихся, но одно можно сказать с уверенностью, что пропаганда против Рамазана в последующие годы не прекращалась. Так, в районах существуют уголки, где наблюдается массовое соблюдение оруджа (до 70%) среди трудового элемента ¹¹⁹), а также и трудовой интеллигенции (учителя). Пресса называет их «Аллах бенделери» (Божьи рабы). Эти «Аллах бенделери» слабо реагируют на замечания, которые им делают по поводу их религиозности. Они говорят, что «всегда соблюдали орудж и будут соблюдать». В некоторых случаях газеты публикуют имена партийцев, предающихся влиянию «предрассудков».

¹¹⁸) «Коммунист», 4. 3. 1927.

¹¹⁹) Там же, 7. 2. 1929.

VIII. БОРЬБА ПРОТИВ КУРБАН-БАЙРАМА И ДРУГИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Пропаганда против Курбан-Байрама, мусульманского праздника жертвоприношения, велась, главным образом, через печать. Карикатуры, направленные против мулл, сопровождались памфлетами анонимных авторов, мастерски, как правило, владевших классическим стихосложением и, повидимому, вполне компетентных в религиозных вопросах. Памфлеты представляли из себя своего рода тезисы, в которых объяснялось в основном происхождение Курбан-Байрама, что давало авторам памфлетов лишний повод обвинять мулл в материальной заинтересованности при популяризации «этого недешевого обряда для бедного люда»¹²⁰).

В газетах опубликовывались постановления общих собраний рабочих различных предприятий об отказе праздновать Курбан-Байрам — «наследие идолопоклонничества и язычества, популяризованного муллами». Все население призывалось следовать примеру «передовых рабочих». В виде компенсации, каждому «трудящемуся» обещали двухдневный отдых.

В разгар пропаганды против Курбан-Байрама памфлетисты высмеивали церемонию массового заклания баранов в Мекке паломниками, причем комментировали это событие выражениями, оскорбляющими самые святые чувства мусульман. Вот некоторые строки из этих памфлетов:

«В погоне за «почетным» титулом, хаджи проливают кровь животных на горе Мина»; Здание Каабы стало резиденцией воров и непристойностей»; «Набожные» хаджи обновили свою веру в Мекке — кровопийцы зарезали тысячи жертв в Мекке»; «Карманщики стали сегодня благочестивыми сынами пророка»; «Тот, кто в продолжение 50-ти лет душил людской род, режет сегодня барана»; «Гора Мина превратилась в кровавую арену».

Варианты подобных памфлетов повторялись ежегодно, но без особого успеха.

В Азербайджане жертвоприношения в честь Курбан-Байрама не являются обязательными. Глава каждой семьи решает этот вопрос сам. Не обязательно также, чтобы другие знали об этом. Не обязательно и совершать для этого особый намаз в джума-мечети.

Надо заметить, что соблюдение Курбан-Байрама требует известного материального благосостояния, поэтому неимущим мусульманам отнюдь не предписывается резать баранов во что бы то ни стало.

¹²⁰) Там же, 11. 6. 1925 и др.

Велась борьба в советском Азербайджане и против других религиозных праздников, в частности против Новруз-Байрама и оджага (очага). Новруз-Байрам — праздник наступления весны, начало нового года. Тем не менее он тоже входил в пространный список мовхуматов — «предрассудков, суеверий, плодов воображения или фантазии» и т. д. Этот праздник перенят у персов, у них он значит «Новый Год». Сохранился он у них со времен огнепоклонства. У азербайджанцев этот праздник был одним из самых популярных и самых оживленных. Ничего ритуального он не содержит. Связан он, как мы заметили выше, с пробуждением природы от зимней спячки. Однако один из пресловутых памфлетистов «Коммуниста» осуждал этот праздник, стремясь якобы «защитить» Ислам от чуждых ему наростов¹²¹⁾.

Тенденция этого памфлетиста ясна: опять можно обвинить в чем-то муллу. Это ведь он поощряет празднование Новруза. В Азербайджане, однако, церемония Новруза обходилась без участия муллы.

Один из памфлетистов, скрывшийся под псевдонимом Хердем-Хиял («фантазер»), отмечая, что персы и турки оспаривают происхождение этого четырехтысячелетнего обряда, заканчивал свои стихи следующими словами: каково бы ни было происхождение Новруза, он является «праздником дармоедов»¹²²⁾.

Хотя пропаганда против Новруза была менее активна, чем против других религиозных «предрассудков», наблюдалась все-таки тенденция к его упразднению, и уже встречались в печати резолюции рабочих тех или иных предприятий, решивших работать в день Новруз-Байрама и отдыхать в какой-нибудь другой день.

В свете таких тенденций антирелигиозная пропаганда превращалась уже в попытку денационализации, если не интернационализации: нет причин, рассуждая логично, работать в день Нового года и отдыхать в какой-нибудь другой день, тем более, что пока мы находились в периоде празднования пятницы, как дня отдыха, отвоеванной местным правительством, если судить по тексту декрета от 21. 7. 1922 г., который мы ниже приводим:

«Ввиду наблюдающихся случаев массового невыхода на работу по воскресеньям и работы в пятницу в случаях, не вызываемых условием производства и экстренной работы, СНК постановляет: днем еженедельного отдыха по всей республике для всех учреждений и предприятий считать пятницу¹²³⁾».

¹²¹⁾ Там же, 1. 3. 1925.

¹²²⁾ Там же, 11. 3. 1925.

¹²³⁾ П. В. Гидулянов, указ. соч., стр. 62.

В Туркестане соответствующий декрет был мотивирован желанием праздновать пятницу, проявленным «подавляющим большинством» коренного мусульманского населения¹²⁴).

С другой стороны, школы все еще считались с религиозными праздниками. «Протесты» начались гораздо позже и нам еще официально неизвестно, чем они кончились.

К «предрассудкам» большевики приписали еще и оджаги (очаги) — места, считающиеся святыми у верующих и служащие для исполнения культа. К «предрассудкам» относилось и паломничество к гробницам святых — близких родственников или родственниц имамов, благочестивых сеидов (потомков пророка) или же популярных личностей, известных своей набожностью и святостью¹²⁵).

Против каждого из этих «предрассудков» пропагандисты находят, что сказать, но особой настойчивости для их искоренения не замечается. В некоторых случаях власти, «не желая задевать религиозные чувства верующих», идут на компромиссы: святыни могут существовать, но с таким условием, чтобы доходы с них шли бы на общественные нужды: водопроводы, электрификацию и даже реставрацию самих святынь¹²⁶). Но не нужно забывать, что это только начало антирелигиозной пропаганды.

Пропаганда против еще одного религиозного обычая — перенесения мощей в святые места (особенно в Кербелу и в Мекку) содержит, однако, весьма едкую сатиру, граничащую с кощунством.

«Если погребение какого-нибудь убийцы в святой земле выдает ему свидетельство почтенности, то Иезид сам мог бы стать царем рая. Если какая-нибудь собака пролежит тысячами в священной Каабе, от этого она не станет воплощением человечности»,

— пишет пресловутый Мюртедд, который не пропускает ни одного случая, чтобы не осмеять религиозные чувства мусульман¹²⁷).

¹²⁴) Там же, стр. 61—62.

¹²⁵) Одним из таких мест паломничества считается, между прочим, могила Молла Панаха Вакифа, известного азербайджанского поэта начала XVIII в., в Шуше. Покойный был советником при Ибрагим-хане, владетеле Карабаха, а впоследствии казнен вместе со своим сыном, племянником Ибрагим-хана. Ибрагим-хан в это время отсутствовал. Могила поэта считается священным местом в отношении оплодотворения бездетных женщин.

¹²⁶) «Коммунист», 15. 5. 1925.

¹²⁷) Там же, 18. 10. 1925.

IX. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ (СВБ)

Массовая антирелигиозная пропаганда в СССР начала развертываться в середине 1926 года. До этого времени Союз воинствующих безбожников, организованный в 1925 году, вел работу «разведывательного характера».

Лишь первый съезд СВБ поставил вопрос о необходимости развертывания работы среди отдельных национальностей. На антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) в 1926 году были разработаны указания об особенностях пропагандной работы по каждой религии.

С 1925 г. по 1928 г. был период разработки вопросов, учета особенностей каждой религии в национальных условиях, а с 1928 г. по 1931 г. — разработки вопросов учета национальных особенностей.

В 1925 г. в СВБ входили представители шести национальностей, а в 1931 г. уже 97-ми¹²⁸⁾.

Что же касается Азербайджана, то внимательный анализ местной прессы позволяет уделить Союзу воинствующих безбожников весьма незначительную роль в деле идеологической пропаганды против Ислама. Эта роль была скорее негативной в смысле достигнутых результатов. Психологически это вполне понятно: слово «Аллах» у мусульман, к какому бы классу они ни принадлежали, имеет значение не только формальное, фигуральное, но оно охватывает всю совокупность внутреннего мирозерцания и моральных основ индивидуума.

Мусульманин может не совершать каждый день пятикратного намаза, он может не поститься или не платить хумса, закята и др. налогов, но он чувствует себя неотъемлемым теистом, спаянным с Богом. Слово «аллахсыз» (безбожник) служило самым тяжким моральным оскорблением у мусульман. Поэтому само название союза (безбожников), в надежде набрать себе побольше прозелитов, заранее предрешало неуспех пропаганды.

Мы приведем один характерный случай из опыта работы СВБ в Дагестане. Дело происходило в 1934 году, т. е. четырнадцать лет спустя после советизации и девять лет спустя после появления вообще Союза воинствующих безбожников. В одном районе комсомольцам были розданы билеты местного отделения СВБ. Билеты эти были напечатаны на русском языке. В момент национализации правительственных и общественных аппаратов у комсомольцев отобрали эти билеты и вручили им напечатанные на родном языке¹²⁹⁾. Как только эти

¹²⁸⁾ М. Кобецкий, Безбожие среди национальностей СССР, цит. «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет», стр. 260.

¹²⁹⁾ «Дагестанская правда», 18. 1. 1934, Махачкала.

молодые люди узнали, что они были записаны в «безбожники», они в ужасе побросали свои билеты и ушли в горы¹³⁰).

В Азербайджане о безбожниках стали поговаривать в конце 1924 года. Пресса обратила внимание на необходимость усиления антирелигиозной пропаганды путем создания особых комиссий при агитпропе Бакинского комитета партии и др. Подчеркивалось также значение комсомола в деле антирелигиозной пропаганды, так как «молодежь скорее разлагает закоренелое старое в семье и в быту»¹³¹).

Лишь в последних числах января 1925 года в «Коммунисте» появилась заметка о том, что общество безбожников оживает и уже действует в районах Биби-Эйбата (нефтяной район Баку) и Баилова. В одной из резолюций XIV Бакинской партийной конференции было отмечено, что она признает организацию безбожников «лучшей формой организации антирелигиозной пропаганды» и рекомендует вовлечь в дело также и беспартийных из числа «действительно неверующих»¹³²).

Это было в апреле 1925 года. Несколько дней спустя пресса сообщила, что в Баку уже организовалось общество безбожников, избравшее временное бюро, которым разработан и принят устав и утвержден план работы. Основной своей задачей общество ставило:

«Объединение под знаменем воинствующего атеизма всех сознательных рабочих и крестьян для активной борьбы за духовное раскрепощение трудящихся от религиозного дурмана и выработку естественно-научного материалистического мировоззрения»¹³³).

Говорилось также о создании трех комиссий для «выработки форм и методов» антирелигиозной пропаганды для христиан, мусульман и иудеев. Председателем комиссии по Исламу был назначен вышеупомянутый Мамед-заде.

На августовском агитсовещании констатировалось ухудшение работы стенных газет: «руководство ослабевает и несмотря на то, что мы имеем 198 стенных газет, только 15% из них действительно существуют¹³⁴), а в отношении антиисламистской деятельности было вынесено следующее постановление: «Усилить тюркские отделы стенгазет и постепенно переводить их на новый алфавит»¹³⁵).

Далее считалось необходимым ускорить «издание учебника на азербайджанском языке для антирелигиозных кружков» и заняться пе-

¹³⁰) Там же, 10. 10. 1937.

¹³¹) «Бакинский рабочий», 21. 10. 1924.

¹³²) Там же, 4. 3. 1925.

¹³³) Там же, 14. 4. 1925.

¹³⁴) Там же, 26. 8. 1925.

¹³⁵) Там же, 2. 9. 1925.

реводом на этот язык популярных антирелигиозных брошюр, а также разрешить вопрос об издании периодического органа¹³⁶⁾.

Через некоторое время совместными усилиями Азербайджанского ЦК КП, Бакинского горкома и Бакинского бюро Общества безбожников были организованы антирелигиозные курсы на русском языке, так как большинство партийцев-тюрок достаточно хорошо им владело. Эти курсы являлись школой и для тюрок¹³⁷⁾. Учебная программа курсов складывалась из следующих дисциплин: вопросы мироздания, биология, история культуры, развитие религиозных верований, религия и классовая борьба и т. д. Одним из условий приема на эти курсы являлась «склонность к пропагандистской работе», а также «безусловная грамотность на русском языке» и «умение владеть книгой».

Но все это было пока в теории, даже создание самого Общества безбожников, о чем сообщал один из его представителей Ярыгин.

По крайней мере, до конца октября 1925 года антирелигиозная пропаганда Общества безбожников сводилась лишь к проведению кампании против двух-трех больших праздников. В остальное же время — «если эта работа и ведется, то случайно, без системы, кто во что горазд»¹³⁸⁾. В связи с этим Ярыгин настаивал на создании действительно работоспособного общества безбожников.

Дошло до того, что ЦК компартии Азербайджана выступил с заявлением, осуждавшим невнимательное отношение к новой организации («добровольность» которой подчеркивалась) со стороны партийцев, профсоюзов, заводских комитетов, правлений клубов и пр. и предлагал им помочь «разными способами» внедрению безбожных ячеек в различные учреждения, учебные заведения, войсковые части, клубы и т. п. ЦК рекомендовал также не «ограничиваться мелким опекунством» и «не убивать в корне инициативы организации»¹³⁹⁾.

В конце марта 1926 г. Общество безбожников созвало Первую Всебакинскую конференцию, на которой Мамед-заде и Ярыгин сделали доклады о «Социалистическом обществе и о борьбе против религиозных предрассудков». Общество, кроме того, выпустило воззвание «Ко всем трудящимся Баку», в котором подчеркивалось значение этого города, «находящегося на стыке Востока и Советского Союза, и выражалась надежда, что Общество безбожников будет «поддержано» всеми сознательными элементами¹⁴⁰⁾. В Обществе безбожников было уже тогда 1 200 или 1 400 членов. Трудно установить количество азербайджан-безбожников, но по всему видно, что оно было незначитель-

¹³⁶⁾ Там же.

¹³⁷⁾ Там же.

¹³⁸⁾ Там же, 20. 10. 1925.

¹³⁹⁾ Там же, 26. 3. 1926, «Коммунист», апрель, 1926 г.

¹⁴⁰⁾ Там же.

ным. С апреля 1926 г. в газетах стали появляться призывы участников фабрично-заводских кружков, приглашавших своих собратьев бороться против разных «предрассудков». Надо заметить, что в прямой атаке на Ислам, как религию, советская пропаганда пользовалась словом «предрассудки», чтобы обозначить все, что касается религии, без ее упоминания.

Во время антимухарремской кампании принимали в ней «деятельное участие» 25 азербайджанцев, только что окончивших антирелигиозные курсы Общества¹⁴¹⁾. Курсы эти были трехмесячными. Несмотря на их непродолжительность курсанты должны были изучать множество сложных наук и предметов, как-то: естествознание, астрономию, физическую географию, положение арабов до Магомета, причины и факторы появления Ислама, сущность Корана, главные войны, которые велись Магометом, положение Ислама после смерти Магомета, борьбу в эпоху четырех халифов, государственный строй и существовавший при них режим, эпоху Муавии и Али, основные мотивы войны Гусейна с Иезидом, организацию политических партий в Исламе, тяжбу между суннитами и шиитами и их причины, политику фарсизма и бехаизма. Кроме того, обсуждалось, как и почему слово «Бог» вошло в обиход, разбирались произведения арабских поэтов, подражавших Корану и т. д.¹⁴²⁾.

Антирелигиозный кабинет обладал уже «всею имеющейся в Баку антирелигиозной литературой». Из Ленинграда были выписаны для антирелигиозного музея 3 200 экспонатов¹⁴³⁾. Через курсы уже прошло 35 пропагандистов, из них 75% на «хорошо». Среди записавшихся в Общество безбожников встречались имена тюрчанок, что радовало прессу, т. к. «религия является самым беспощадным врагом свободы женщины». Для большего оживления нового движения, Общество безбожников устраивало вечеринки, смешанные концерты и ряд других развлечений, которые посещались и беспартийными¹⁴⁴⁾. Между безбожниками и партийцами шло, повидимому, некоторое «соцсоревнование» за престиж среди беспартийных, которых больше привлекало разнообразие развлечений, устраиваемых новыми «апостолами», нежели академические доклады партийцев на трафаретные темы.

Все это происходило лишь в Баку, крупном промышленном центре с интернациональным пролетариатом. Чтобы оживить деятельность Общества безбожников, в деревне были организованы «тракторные бригады», которые распределяли тракторы только по тем пунктам, где существовали ячейки безбожников. «Штурм» деревни безбожниками

¹⁴¹⁾ «Коммунист», 9. 5. 1926.

¹⁴²⁾ Там же, 9. 5. 1926.

¹⁴³⁾ «Бакинский рабочий», 10. 2. 1926, «Коммунист», 9. 5. 1926.

¹⁴⁴⁾ «Коммунист», 29. 6. 1926.

стал усиливаться, начиная со второй половины 1928 года, по сигналу, данному народным комиссаром просвещения Мустафой Кулиевым, одним из активных членов Союза воинствующих безбожников. Систематически закрывались мечети «по желанию самого населения», но еще не в массовом масштабе.

Еще раньше, в марте 1927 года семинары для руководителей Общества безбожников объединились с семинарами для партийцев, и их посещение для них было обязательным, в связи с чем они освобождались от других занятий¹⁴⁵).

Первая городская конференция Союза воинствующих безбожников констатировала слабую деятельность своего бюро. Большинство ячеек бездействовало, «работа среди тюрок велась с большим недочетом», ячейки не сумели поддержать связи ни с районным бюро, ни с президиумом, ни с клубными правлениями, ни с профсоюзом.

Конференция избрала новое временное бюро и приняла ряд практических мер: проверку бездействующих ячеек, частый созыв совещаний, оживление деятельности среди тюрок, установление связи с районными партийными организациями, выпуск «летучих» стенных газет, подготовку кадров тюркских пропагандистов, организацию кружков СВБ среди различных народностей и т. д.¹⁴⁶).

Вслед за городской последовала II Общебакинская конференция, на которой докладчик Теймур Гусейнов отметил, что духовенство усилило свою деятельность среди верующих. Они якобы пользовались экономическим «преимуществом», «давили на пролетариат», находившийся в менее привилегированном положении.

Отчет о деятельности Общества, представленный Мамед-заде и Дубинским за 17-месячный период его существования, констатировал, что Общество безбожников насчитывает до 3 000 членов, причем процент азербайджанцев возрос с 12 до 25 за один год. Что характерно — это значительный процент беспартийных (40%). По социальному составу 65% Общества составляли рабочие. Среди 73-х человек, окончивших антирелигиозные курсы, имелось 36 азербайджанцев.

Отмечались и недостатки: 600 членов Общества безбожников оставались «вне всякой деятельности». Нигде не было «Красного уголка», связь с другими организациями налажена была слабо и пр.

В связи с этим решили добиться увеличения числа членов до 5 000, большей частью из числа беспартийных азербайджанцев, в особенности женщин, рабочих и учащейся молодежи. Наконец, избрано новое бюро из 35 членов и 10 кандидатов¹⁴⁷).

¹⁴⁵) Там же, 1. 3. 1927.

¹⁴⁶) Там же, 22. 5. 1927.

¹⁴⁷) Там же, 29. 5. 1927.

III конференция городского района отмечала рост ячеек: до второй конференции их было 14, теперь — 30, а число членов возросло с 450 до 1 500. За год было подготовлено 230 докладов, прочитанных 40 докладчиками. Особое внимание было уделено азербайджанцам (60 докладов). Процент азербайджанцев-безбожников доходил до 29, русских — 54, из них рабочих 50%, женщин 12%. Число верующих, посещавших мечети и церкви, уменьшилось. Было выпущено 20 антирелигиозных брошюр на азербайджанском языке, но все же чувствовался недостаток в азербайджанских антирелигиозных пропагандистах¹⁴⁸). К этим брошюрам азербайджанская печать относилась, однако, несколько скептически, т.к. большая часть их была переведена с русского и не освещала азербайджанскую действительность. Например, в брошюре «Крестьяне и религия», изданной СВБ, говорилось только о повстанческих движениях русских (Стенька Разин, Пугачев и др.), тогда как о тюрко-мусульманах не было ни одного слова¹⁴⁹). Хотя несколько месяцев до этого Центральный комитет Союза воинствующих безбожников и Бакинский комитет партии, принимая во внимание этот недостаток, созвали совещание сотрудников «Коммуниста» и дали указания относительно создания оригинальной или же переводной литературы на антирелигиозные темы, но никаких результатов достигнуто не было: некоторые были завалены работой, а другие просто ею пренебрегали. Что касается докладов, читавшихся на азербайджанском языке, то они были слишком слабы.

Ссылаясь на указания Сталина на XV съезде ВКП(б) об ослаблении борьбы против религиозных «предрассудков», местная пресса обращала в свою очередь внимание на весьма незначительное количество азербайджанцев, сгруппировавшихся вокруг СВБ. Она отмечала даже убыль интеллигенции, которая раньше интересовалась активностью общества безбожников.

В течение дальнейших трех лет местная пресса не привела никаких данных о росте членов СВБ в Азербайджане, кроме желания руководителей довести число членов организации до 10 000 в 1929 году. Из статистики, опубликованной в 1932 году «Воинствующим безбожником в СССР за 15 лет», мы узнаем, что до 1930 года число членов Азербайджанского СВБ не увеличилось (3 000 чел.), но в течение двух последующих лет прирост выразился в 67 000 чел.: в 1931 г. 20 000, а в 1932 г. 70 000¹⁵⁰). Полагая даже, что речь идет не только о коренных азербайджанцах, но и о русских, армянах, евреях и др. национальностях, населяющих Азербайджан, статистика безбожников нам кажет-

¹⁴⁸) Там же, 4. 6. 1928.

¹⁴⁹) Там же.

¹⁵⁰) В. Калинин, Динамика роста и социального состава СВБ, цит. «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет», стр. 346.

ся чересчур преувеличенной. Преувеличенными кажутся нам и скачки, проделанные за те же два года в некоторых других национальных республиках, в свете той же статистики:

КОЛИЧЕСТВО БЕЗБОЖНИКОВ

Наименование республик	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Башкирская АССР	12 000	29 000	43 000
Дагестанская АССР	10 030	49 000	—
Казахская ССР	4 830	—	33 000
Крымская АССР	14 948	30 200	42 000
Узбекская ССР	13 175	60 000	160 000 ¹⁵¹⁾

Неестественность прироста безбожников в названных республиках сразу бросается в глаза. Если читатель припомнит, азербайджанская организация СВБ за четыре года своего существования имела всего 3 000 безбожников и вдруг за два года число это увеличилось больше, чем в двадцать три раза.

Но более важно установить следующее: какова была дальнейшая судьба этих организаций? Советские источники дают нам некоторые сведения об этом. В Дагестане имелось в 1932 году 843 ячейки СВБ, объединявших 40 000 чел., а в середине 1937 года оставалось всего 45 ячеек, объединявших 963 чел. Но это еще не все:

«Никакой антирелигиозной работы Дагсоветом СВБ абсолютно не ведется. Из 16 числящихся на бумаге райсоветов СВБ (на 40 районов) в действительности не работает ни один, да и само существование их находится под большим сомнением»¹⁵²⁾.

Местная пресса, как и всегда, ставила этот развал работы СВБ в вину «врагам народа», «буржуазным националистам» и пр. Но так как эту категорию людей вылавливали в свое время во всех национальных республиках, то можно из этого сделать логический вывод, что это касается и других республик.

В Азербайджане тоже нашлись «буржуазные националисты», развалившие работу СВБ. В «ряде учреждений, — читаем мы в местной прессе, — совхозах и колхозах безбожных ячеек больше не существует, а председатель азербайджанской организации СВБ, Хулуфлу, оказался «врагом народа»¹⁵³⁾.

¹⁵¹⁾ Там же.

¹⁵²⁾ «Дагестанская правда», 10. 10. 1937.

¹⁵³⁾ «Бакинский рабочий», 12. 4. 1937. Хулуфлу ликвидирован в период чистки в 1937 году.

Подобная же «переоценка ценностей» была применена в 1937 году и по отношению Всесоюзного СВБ. Действительно, в 1932 году, считающимся «кульминационным» в истории антирелигиозного движения в СССР, шеф безбожников, Ярославский, в беседе с одной американской делегацией, определил контингент СВБ в 6 миллионов человек, плюс более 10 миллионов членов профсоюзов и не менее 10 миллионов безбожников-колхозников¹⁵⁴), а в 1937 году правительственный орган «Известия» задавал некоторые коварные вопросы тому же, вероятно, главе безбожников:

«Что представляет из себя этот Союз воинствующих безбожников? Четыре года тому назад Союз этот насчитывал пять миллионов членов. Сколько же он насчитывает их сегодня? Никто из членов Союза не сумеет этого сказать. Заведующий делами центрального совета тов. Петрунович указывает на цифру в два миллиона. Ответственный же секретарь Союза тов. Олещук более скромн: он находит, что количество активных, официальных членов Союза и того меньше»¹⁵⁵).

Далее газета сообщала, что СВБ вообще находится в состоянии «полного развала». Выбранные шесть лет тому назад районные советы «ликвидированы почти повсюду... В 16 краях, районах и национальных республиках... организаций Союза не существует вовсе».

После этого Ярославскому оставалось лишь вымолвить *mea culpa*, что он и сделал на собрании актива московских коммунистов несколько дней спустя после названной статьи в «Известиях».

«Я не могу отрицать мою собственную вину в плохой организации антирелигиозной пропаганды. В Московском округе районные советы ликвидированы почти повсюду. В самой Москве квартальные советы тоже ликвидированы»¹⁵⁶).

Мы привели эти данные не для того, чтобы делать из них какие бы то ни было оптимистические выводы относительно краха антирелигиозного движения в СССР, а для того, чтобы показать всю ложность советской статистики. Еще более скептически мы относимся и к данным 1937 года. Этот год был годом тщательной чистки, годом выборов в Верховный Совет и, наконец, годом подытоживания неудачной переписи 1936 года, показавшей, что Ярославские несколько поспешили с торжественным объявлением относительно «смерти богов» на территории бывшей Российской империи.

¹⁵⁴) Л. Д., Коренные сдвиги в мировоззрении трудящихся масс СССР, «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет», стр. 221.

¹⁵⁵) «Известия», 10. 3. 1937.

¹⁵⁶) «Правда», 17. 3. 1937.

Х. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОПАГАНДА

Литературная пропаганда (книги, брошюры) представляла самое слабое место в антиисламистской кампании.

Оригинальных трудов было очень мало, а переводная литература, кроме теоретических рассуждений о религии, божестве и т. д., не подходила для мусульманской действительности.

Вот несколько названий книг и брошюр, отмеченных местной прессой за рассматриваемый нами период:

1) «Мохаррем и Розаханство» (синоним мерсиеханства). Книга направлена против мухарремских церемоний и мерсиеханов, что, собственно, имеет с религией отдаленную связь.

2) «В невежественном усыплении», пьеса, взятая из жизни и представляющая пропаганду против «предрассудков».

3) «Результаты паломничества», «пьеса, показывающая отрицательные стороны паломничества в Кербелу» (место, где находится гробница имама Гусейна).

4) «Как же не лить кровавых слез?», пропагандная пьеса, показывающая вредные последствия самоистязания.

5) «О, Восток!», пропагандная пьеса, «разоблачающая истинное лицо капитализма» и рисующая ростки революционного брожения на Востоке.

6) «Молла Заман», «пьеса, касающаяся розаханства и розаханов» (мерсиеханов).

7) «Рамазан — Гарны газан» (шутка, построенная на созвучии рифм), пьеса, осмеивающая пост Рамазан.

8) «Курбан-Байрам», брошюра о празднике жертвоприношения и о его «историческом и классовом значении».

9) «Мусульманские праздники», издание Союза воинствующих безбожников.

10) «Микробы Мохаррема», трехактная пьеса, осмеивающая церемонии Мухаррема.

11) «Там так, здесь этак», сатира, направленная против духовенства.

12) «Правдивые и ложные религии, действительные и выдуманные боги». Перевод с русского. Переводчик укрылся под псевдонимом «Меджнун» («сумасшедший»). Если это шутка, то весьма злая по адресу издателей.

Все перечисленные нами антирелигиозные издания анонимны. Это свидетельствует о непопулярности антирелигиозных размышлений, а в связи с этим и о большой осторожности авторов, не решающихся рисковать своим именем во имя своих убеждений.

Это понятно, так как всякое богохульство наказывалось в свое время в Азербайджане по закону Линча, а после пяти лет советизации

грубые попытки внедрения атеизма осуждались и самой большевистской прессой¹⁵⁷).

Из повторяющихся объявлений в местной прессе можно заключить, что спрос на антирелигиозную литературу не особенно большой: первоначальные цены были затем снижены¹⁵⁸).

XI. ЗАКРЫТИЕ МЕЧЕТЕЙ

Закрытие мечетей — одна из главных и наиболее действенных мер большевиков в их борьбе против религии.

Внимательное знакомство с местной прессой дает нам возможность установить следующие методы, применявшиеся для закрытия мечетей или превращения их в другого рода учреждения в Азербайджане.

Несмотря на особую «мусульманскую политику» Советов, о которой мы уже говорили, в начале советизации Азербайджана, пользуясь растерянностью населения и террором, последовавшим за местными восстаниями, активисты, поощряемые властями, уже брались за закрытие мечетей в «штурмовом порядке». Это имело место в 1921—22 годах¹⁵⁹), особенно в деревнях, и Азербайджан в этом деле не являлся исключением. Усердие активистов и, главное, злоупотребления, совершенные во время этих «операций», вызывали отрицательную реакцию у населения. В результате XIII съезд РКП(б) в 1924 г. высказался против «административных мер», применяемых местными властями для закрытия мечетей, синагог и др. молитвенных домов в деревне. В качестве первого шага пропаганды против религии рекомендовалось лишь «материалистически объяснять явления природы». Как ВЦСПС, так и ЦК КП Грузии разослали также циркуляры по этому вопросу (9. 6. 1923 года и 19. 11. 1924 г.).

Подобные мероприятия проводились, очевидно, и в других союзных республиках. Во всяком случае, первые осторожные намеки на целесообразность уступки какой-нибудь «лишней» мечети для переоборудования ее в школьное помещение относятся к концу 1924 и к началу 1925 гг. Многие из этих «намеков» появлялись в прессе в «порядке обсуждения». Но одновременно можно было встретиться в той же прессе с сообщениями о превращении в разных местах мечетей в здания для учебных заведений или в клубы, библиотеки и т. д. Во всех корреспонденциях подчеркивался при этом принцип добровольности («по желанию населения»). Иногда желание похвастаться достигнуты-

¹⁵⁷) «Коммунист», 3. 6. 1925.

¹⁵⁸) Там же, 30. 6. 1925.

¹⁵⁹) Там же, 24. 6. 1927.

ми на этом пути успехами, в сравнении с РСФСР, заставляло местную прессу проговариваться о превращении «в школы, клубы, читальни и театры» ряда мечетей в крупных центрах. Вместе с тем иногда находишь в местной прессе ходатайства, возбужденные перед НКВД учеными обществами о неразрушении старинных мечетей.

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на циркуляры из центра, тайное или явное закрытие мечетей в Азербайджане практиковалось почти беспрестанно.

С приближением периода «массового штурма» на религию пресса присваивала мечетям всякую неблаговидную квалификацию: «свинные гнезда», «носительницы обскурантизма», «никчемные дома» и пр. Миссию закрытия мечетей возлагали, большей частью, на молодежь, главным образом на комсомол, безбожников. Иногда, хотя и очень редко, в решительный момент некоторые из этих активистов начинали колебаться и на этой почве у них происходили раздоры¹⁶⁰), отражавшиеся на успехе «миссий». В таких случаях пресса предпринимала новые атаки против мулл и «кулаков», влиявших на молодежь, и требовала против них санкций¹⁶¹), а покамест мечети закрывали там, где это было более удобно. Так, например, воспользовавшись тем, что 16 мечетей города Шемахи, пострадавшие во время погрома, устроенного большевиками в 1918 году, оставались все еще не реставрированными, власти разрушили 13 из них и использовали полученный таким образом материал на постройку театра¹⁶²). Телеграмма, полученная из Геокчая, торжественно сообщала, что благодаря инициативе комсомольцев в районе Агдаша 36 мечетей превращены в культурно-просветительные учреждения¹⁶³).

Во исполнение партийных постановлений кампания против религии неизменно продолжалась. Пресса публиковала «резолуции» трудящихся о закрытии мечетей под разными императивными заголовками, вроде: «Мы не нуждаемся ни в Аллахе, ни в его домах», «Надо разрушить все мечети и на их месте строить школы и клубы»¹⁶⁴) и т. д.

Потоки этих «добровольных» пожеланий азербайджанских трудящихся были однажды вдруг прерваны выступлением в той же прессе самого председателя Азербайджанского ЦИКа С. М. Эфендиева¹⁶⁵). С уничтожающей критикой он обрушился на методы «культурной революции», которые внедрял его коллега, Мустафа Кулиев, тогдашний комиссар народного просвещения. Ссылаясь на резолюцию ЦК ком-

¹⁶⁰) Там же, 29. 2. 1928.

¹⁶¹) Там же, 1. 8. 1928.

¹⁶²) Там же, 30. 12. 1928.

¹⁶³) Там же, 4. 2. 1929.

¹⁶⁴) Там же, 13. 2. 1929.

¹⁶⁵) Один из старых большевиков, состоявший в свое время в партии «Гюммет».

партии, в которой осуждались методы борьбы с пережитками прошлого, примененные Азербайджанской компартией и наркомом просвещения, Эфендиев заявил, что закрытие мечетей проводилось насильственным путем, а не добровольно.

«Вместо того, чтобы вести борьбу с религией продуманно и нормально, дело сводится лишь к отобранию мечетей. Одно время в деревнях устраивалось даже нечто вроде состязания (соцсоревнования): «кто отберет побольше мечетей»¹⁶⁶⁾.

Но, повидимому, и «головомойка» ЦК партии, и критика главы государства представляли не что иное, как один из обычных приемов партийных лидеров: отступать при неудаче, возлагая всю вину на местные органы, и одновременно готовиться к новому наступлению. Мы знаем, что закрытие или превращение мечетей в клубы, читальни и т. д. не было прекращено. Наоборот, оно усиливалось все время, по крайней мере, до начала войны, когда советские лидеры были вынуждены применить временно нечто вроде религиозного нэпа.

Сколько же мечетей существовало в свое время в Азербайджане, а также и во всей Российской империи? На этот вопрос нам отвечают два источника досоветского периода: «Мир Ислама» (характера хотя и научного, но с известными миссионерскими тенденциями) за 1912 год и «Статистический Ежегодник» за 1914 год. Мы пользуемся обоими источниками, цитируемых французскими журналами, посвященными мусульманскому вопросу — «Revue du Monde Musulman» и «Revue des Études Islamiques».

«Мир Ислама» насчитывал к 1912 году 26 279 мечетей и мусульманских молитвенных домов, 45 339 духовных лиц, 48 благотворительных обществ и др. По «Статистическому Ежегоднику» к 1914 году насчитывалось 24 582 мусульманских прихода, из коих 7 496 в районе Ферганы, 3 194 в Самарканде, 2 315 на Сыр-Дарье, 2 125 в Уфимской губернии, 1 856 в Дагестане и 1 010 у казанских татар. Азербайджан и Крым в списке не представлены, так же как и ряд других краев, населенных мусульманами. Поэтому трудно определить, куда относились оставшиеся 6 586 приходов.

Относительно Азербайджана имеется лишь довольно смутное и сбивчивое упоминание пресловутого народного комиссара Мустафы Кулиева. В своей статье «Партия и религия»¹⁶⁷⁾ он утверждает, между прочим, что «муллы-паразиты 969 шиитских и 400 суннитских мечетей», а также «враждебные Советам партии» и «религиозные организации» проявляют за последнее время усиленную деятельность на идеологическом фронте. Трудно отсюда сделать какие-нибудь точ-

¹⁶⁶⁾ «Коммунист», 22. 10. 1929.

¹⁶⁷⁾ Там же, 6. 7. 1928.

ные выводы; идет ли речь об общем количестве мечетей, имевшихся в Азербайджане до прихода большевиков, или же о количестве не закрытых еще до половины 1928 года, или еще о тех мечетях, которые проявляют особенную враждебность к Советам. Во всяком случае у нас есть какой-то минимум в 1369 мечетей, имевшихся в Азербайджане в первой половине 1928 года.

Судя по тому, что в 1935 году было решено отобрать самые главные мечети Баку «Таза-Пир», «Мемедли», «Хаджи Баба» и «Касим-бей» и передать их под библиотеку, детский сад, ясли и постоянный двор¹⁶⁸), можно предположить, что участь провинциальных мечетей была решена еще раньше, что подтверждают и эмигранты¹⁶⁹) 2-й мировой войны.

Вообще же трудно сказать, сколько осталось теперь мечетей из общего числа существовавших у мусульман России до революции.

Общеизвестно, что до войны закрытие мечетей практиковалось усиленными темпами, но Советы во время 2-й мировой войны вынуждены были искать опору у Церкви, и приостановили это «движение», и даже вернули некоторые мечети верующим. По статистике, приводимой Монтей¹⁷⁰), в 1938 году в Киргизии были закрыты все мечети, кроме одной. По «Soviet War News» в 1942 году по всему СССР количество открытых мечетей доходило до 1312. В 1947 году число это увеличилось, по уверению Полянского в «L'Alger Républicain»¹⁷¹) до 3000. На это же количество указывал муфтий Узбекистана Ишан Бабахан в 1950 году во время своей беседы с делегацией северо-африканцев¹⁷²).

ХП. ФРОНТАЛЬНАЯ АТАКА НА ИСЛАМ

В начале 1928 года стал развиваться план прямой атаки на мусульманскую религию, при официальном участии членов правительства, под главным руководством комиссара народного просвещения Мустафы Кулиева. Он выступил с серией докладов, резко направленных против Ислама, бросив новый вызов и без того уже затравленному духовенству — придти и опровергнуть его диалектический метод критики религии, если они это сумеют.

¹⁶⁸) «Revue des Études Islamiques», 1952, Paris.

¹⁶⁹) В 1936 г. было дано разрешение на открытие одной мечети в Баку — «Кербалай Абдул Гусейн», которая была закрыта в 1935 г. «по желанию прихожан». См. «Бакинский рабочий», 12.4.1937.

¹⁷⁰) «Revue des Études Islamiques», 1952, Paris.

¹⁷¹) «L'Alger Républicain», Alger, декабрь 1950 г.

¹⁷²) Там же.

Остановимся подробно на этих докладах, заметив предварительно, что члены правительства РСФСР не выступали публично против религии и не поносили ее, как это делалось в Азербайджане, поскольку они гарантировали основным законодательством свободное ее исповедание. Ярославский не был членом правительства, а Луначарский, самый видный теоретик атеизма среди советских комиссаров, ограничивался статьями в печати и то без особых резкостей.

План этого «генерального штурма» против религии, долженствовавшего пройти под лозунгом «культурной революции», заключался в следующих мероприятиях «срочного характера»:

- 1) Ликвидация остатков религиозного чувства среди партийцев.
- 2) Создание кружков безбожников при всех организациях партии, особенно в уездах, и привлечение в эти кружки крестьянской молодежи.
- 3) Перестройка и усиление СВБ увеличением числа его членов до 10 000 на следующий год.
- 4) Обязательство для всех партийцев участвовать в борьбе против религии.
- 5) Использование клубов и передвижных библиотек для антирелигиозной борьбы.
- 6) Усиление борьбы против кулаков, опоры религии в деревне.
- 7) Создание школ с преподаванием чисто атеистических предметов.
- 8) Усиление работы в существующих атеистических школах.
- 9) Усиление роли атеистической литературы¹⁷³⁾.

Особенно активная роль в «культурной атаке» выпадала на долю комсомола. Наступление, как это объяснялось в особом воззвании ЦК Азербайджанской ЛКСМ, предпринималось в силу выполнения резолюций XV съезда Всесоюзной Коммунистической партии о «Культурном строительстве и о роли АЛКСМ¹⁷⁴⁾ в этой области», как-то: «ликвидация безграмотности среди комсомольцев», и главное, «усиление борьбы на классовом фронте».

В специальной инструкции, опубликованной ЦК АЛКСМ, давалось уточнение относительно «классово-враждебного», чем считались:

«...мечети, церкви, а также и религии, пытающиеся усилить свое влияние среди молодежи; национализм, шовинизм и антисемитизм; бюрократизм; замечающееся мещанство, пьянство, хулиганство» и пр.

¹⁷³⁾ D. Hadjibeyli, Les Soviets contre l'Islam, «Revue des Deux Mondes», 15. 9. 1930, Paris.

¹⁷⁴⁾ Азербайджанский Ленинский коммунистический союз молодежи.

Рекомендовалось «принятие ясной классовой линии в деревне», каковое должно было выражаться в «беспощадном ударе по кулакам, по мечети и по церкви»¹⁷⁵).

Аналогичные призывы для перехода к «культурной атаке» исходили также и от организаций безбожников, которые требовали на своих собраниях высылки мулл, «раз они вредны для общества»¹⁷⁶).

В предвидении неминуемой атаки на религию тон прессы повышался. Уже не говорили о «предрассудках», а можно было видеть такие заголовки:

*«Самым ярим врагом рабочего класса является религия»,
«Комсомол должен нанести крепкий и решительный удар своему классовому врагу», «Ни один молодой трудящийся не должен попасть в плен к врагу».*

Эта последняя «инструкция» давалась вместе с извещением о создании «главного командования» и даже «штаба» с упоминанием имени «ответственного руководителя», некоего Хайретдинова¹⁷⁷).

Уже пресса сообщала о результатах энергичной работы комсомольцев в уездах, о массовых резолюциях крестьян о превращении мечетей в дома отдыха и пр.

С июня 1928 года пресса стала рекламировать доклад на тему «Культурная революция и Ислам», подготовленный вышеупомянутым Мустафой Кулиевым, в котором он «разоблачал» Ислам как вероучение. В «Коммунисте» от 10. 6. 1928 г. появилось «Открытое письмо мусульманскому духовенству города Баку следующего содержания:

«В своих проповедях и выступлениях мусульманское духовенство многократно заявляло и продолжает заявлять, что, по его мнению, безбожники не правы и что, наоборот, духовенство говорит правду. Об этом безбожники прекрасно осведомлены.

Принимая во внимание, что ваши проповеди никогда и ни на чем не были обоснованы, мы этим открытым письмом приглашаем вас выступить в дискуссиях на тему «Культурная революция и Ислам» и предлагаем вам там же защищать религию. Дискуссия состоится 15 сего июня. Вам следует ответить до 12 июня по следующему адресу: Площадь Красной Молодежи, партийный клуб, Бакинское бюро Союза воинствующих безбожников, телефон 21—52.

Если вы уклонитесь от участия в дискуссии, то мы припишем это вашей слабости и беспомощности.

¹⁷⁵) «Коммунист», 8. 7. 1928.

¹⁷⁶) Там же, 21. 6. 1928.

¹⁷⁷) Там же, 8. 6. 1928.

Президиум Бакинского бюро Союза воинствующих безбожников».

Несколько необычный характер этого открытого письма, его содержание и стиль не могут не вызвать сомнений относительно степени культурной подготовленности и даже грамотности его авторов. Это тем более, что среди пропагандистов атеизма, особенно среди памфлетистов «Коммуниста» и «Молла Насреддина» есть немало грамотных людей.

Бросается в глаза и некоторая неувязка в техническом отношении: приглашение датировано десятым числом, а ответы должны быть даны до двенадцатого, т. е. дается всего один день на размышление в таком деликатном вопросе, если даже сделать весьма сомнительное предположение, что духовенство могло бы принять этот вызов.

Доклад Мустафы Кулиева состоялся и был повторен несколько раз как в Баку, так и в его районах. Затем он был опубликован в нескольких номерах «Коммуниста», что позволяет нам проанализировать этот документ, «долженствующий» свести на нет духовно-религиозные постулаты происхождения Ислама и заключающий весьма резкий выпад против Корана.

Но, прежде чем приступить к анализу этого доклада, ознакомимся с газетными отчетами по этому вопросу, с атмосферой, царившей на этих докладах, настроением атеистов и с моральным состоянием верующих, после чего читатель может легко составить себе мнение о положении религии и ее служителей в Советском Союзе.

«Третьего дня в тюркском театре имени Буннат-заде¹⁷⁸⁾ Бакинского бюро Союза воинствующих безбожников устроило дискуссионное собрание на тему «Культурная революция и Ислам». Собрание было открыто тов. Теймуром Гусейновым, давшим информацию о цели предстоящей дискуссии, а именно выяснить всю подноготную религии и духовенства, дабы трудящиеся были бы в курсе всего.

Главные муллы, приглашенные на дискуссию, отсутствовали. Вероятно, чувствуя свою беспомощность в предстоявших дискуссиях, они испугались попасть в неловкое положение. Зато муллы мелкого калибра выступили в прениях и, оставив в стороне суть вопроса, силились доказать существование бога (!!)» (Знаки в тексте — Д. Х.).

Учитель Ахунд-заде, выступивший на собрании, привел несколько примеров о деятельности мулл, рассказал, как они грабят народ,

¹⁷⁸⁾ Комиссар просвещения и бывший глава Азербайджанского правительства. Ликвидирован в 1937—1938 гг.

как они ведут пропаганду, чтобы крестьяне платили оброки бекам. Он закончил свою речь следующими словами:

«Мой отец был муллой, я сам долго жил среди мулл, я знаю все их хитрости. Верующие, выступившие сегодня в этом зале, знают лучше нас всю лживость их утверждений...»

В общем, трудящихся в зале было мало. Зато бакалов¹⁷⁹⁾, мясников, коммерсантов было до отказа.

Они пришли присутствовать при «триумфе» своих шейхов и аплодировать им. Жаль, что эти последние скрылись в своих домах, боясь даже выйти наружу. Бедные люди!»

Мустафа Кулиев говорил в заключение:

«Перед вами два пути: путь мулл, ахундов, мерсиеханов, дервишей, с тюрбанами на голове, с леббадой¹⁸⁰⁾ на плече, с башимаками на ногах и с кораном в руках. Они ведут вас рубиться, бить себя цепями, просверливать себе тела, держать женщин в цепях. Другой путь ведет вас к наукам, к просвещению, к современной европейской технике, к свободе женщин, к культурной революции. Выбирайте сами.»¹⁸¹⁾

Этот доклад был повторен десять дней спустя в Ленинском районе, в здании бывшего кинотеатра «Рекорд». Об этом появилось извещение в «Коммунисте» от 22 июня 1928 года следующего содержания:

«Бюро Ленинского района Союза воинствующих безбожников объявляет, что в понедельник 25 июня в здании «Рекорд» тов. Мустафа Кулиев сделает доклад на тему:

«Культурная революция и Ислам»

На дискуссию приглашаются: из сел. Бюль-Бюле — Хаджи Ахунд и молла Ханифе, из сел. Сабунчи — молла Аббас и ахунд молла Абдулла, из сел. Балаханы — молла Али, из сел. Раманы — ахунд молла Гусейн и другие. Вход свободный.»¹⁸²⁾

Этот отчет появился в «Коммунисте» от 27. 6. 1928 г. под таким заглавием: «Бог (!) Хаджи Ахунда» (Знаки в тексте — Д. Х.).

«Как известно, 25 сего месяца Союз воинствующих безбожников устроил собрание в Ленинском районе, в здании бывшего кинотеатра «Рекорд», на тему «Культурная революция и Ислам» и пригласил также «крупных» мулл района Амирхаджиян, Бюль-Бюле и Сураханы.»¹⁸³⁾

¹⁷⁹⁾ Владельцы бакалейных лавок.

¹⁸⁰⁾ Сюртук муллы.

¹⁸¹⁾ «Коммунист», 19. 6. 1928.

¹⁸²⁾ Все эти селения находятся в нефтепромышленных районах Баку.

¹⁸³⁾ «Коммунист», 27. 6. 1928.

Как это было и в прошлый раз, главные муллы, приглашенные на собрание, отсутствовали.

После окончания доклада начались прения. Из присутствующих на собрании духовных лиц Хаджи Ахунд взял слово и стал говорить. Присутствующие в зале обрадовались его выступлению, веря в то, что Хаджи Ахунд «докажет» существование Бога и поставит безбожников в конфузное положение. Большевистский корреспондент приписал, разумеется, выступившему мулле слова, не выдерживающие никакой критики.

Из другого повторного извещения, появившегося в «Коммунисте» от 13. 6. 1928 г. мы узнаем, что до того доклад Мустафы Кулиева был повторен 17 июня в городском театре¹⁸⁴). На этот раз духовенство приглашалось поименно, и в списке мы видим имена самых главных представителей духовенства Баку: шейх-уль-ислам молла ага Али-заде, Мир Мамед Керим, Ахунд Абдул-Рахим, Хаджи Мирза Мехти, шейх Гани Абдулла-оглы, Мирза Ибрагим, молла Таги Исфгани, молла Атаулла Сейфетдинов, Муса Эюбов, Сеид Мир Джабар и др.¹⁸⁵).

К сожалению, мы лишены возможности дать какой бы то ни было отчет об этом собрании, но едва ли кто-нибудь из названных духовных лиц мог бы явиться и на это «приглашение», что подтверждается и отчетом следующего собрания.

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИСЛАМ»

Доклад Мустафы Кулиева, народного комиссара просвещения
Азербайджанской ССР
(Краткое содержание)

Глава I

Автор, цитируя слова Ленина о господствующем влиянии религии на общественную жизнь, отмечает:

«Духовное господство ислама, с давних времен давя нас всей своей тяжестью, подкашивает творческие силы тюркских масс. Революция нанесла острый удар по религии. Однако шариат, адаты и традиции впились в кровь и мозги народов мусульманской доктрины, внедрились во все уголки нашего бытия. Поэтому придется работать годами организованно и настойчиво, чтобы смыть эту грязь прошлого.»

Ислам защищает все, что рутинно и реакционно. Ислам защищает старые формы хозяйственной системы и старый образ жизни. Он поощряет неравенство, он ожесточенно противодействует нашим политико-культурным мероприятиям, нашему социалистическому обществу.»

¹⁸⁴) Там же, 13. 6. 1928.

¹⁸⁵) Там же.

Считая необходимым усиление борьбы против Ислама, автор жалуется на всю сложность постановки антирелигиозного вопроса среди азербайджанской интеллигенции. Он говорит:

«Некоторые тюркские (азербайджанские — Д. Х.) «интеллигенты» претендуют на то, что Магомет — социалист. Якобы Маркс, Энгельс и Ленин черпали свои идеи из корана. Есть даже среди нашей партии такие идиоты, которые с яростью утверждают, что мы можем и теперь даже использовать для нашего обихода некоторые истины, содержащиеся в коране. Они стараются подкрепить свои утверждения цитатами из корана. Эти люди еще не успели за 8 лет выучить первоначальную азбуку».

Переходя к теме, автор делит ее на отдельные главы, первая из которых трактует появление Ислама. Он начинает со следующего определения: «Ислам выражает идеологию воинствующего торгового капитализма».

Вероятно, азербайджанский комиссар просвещения имел в виду «торгово-капиталистическую теорию» происхождения и социальных корней Ислама, одно время выдвигавшуюся советскими исламоведами. Но она была осуждена как исходившая из «методологически неправильного признания торгового капитализма, как самостоятельной общественно-экономической формации».

Были еще две другие теории, выдвигавшиеся до 1931 года: «кочевническая», объясняющая происхождение Ислама «кризисом бедуинского скотоводческого хозяйства» и необходимостью выхода из этого кризиса путем выселения аравийских кочевников за пределы страны. Другая теория — это «крестьянская», которая представляет ранний Ислам как выражение интересов аравийских земледельцев.

Большая советская энциклопедия, откуда мы заимствуем эти данные, оговаривается, что до сих пор нет еще «марксистского метода изучения истории ислама»¹⁸⁶).

Ссылаясь на А. Мюллера, автор приводит пример торгового пути, существовавшего еще до Р. Х. от Савы до Бедра через Мекку и Медину и доходившего до Абиссинии и даже морским путем до Индии. Торговлей занимались оседлые племена арабов, жившие на юге, тогда как кочевые племена, жившие на севере, занимались грабежами торговых караванов. Такое положение приводило арабов к идее национального объединения.

«Проведение в жизнь этой идеи возлагается на мелкого торговца Магомета, заинтересованного в свободе торговли и без-

¹⁸⁶) БСЭ, 1-е изд., Москва, 1935, стр. 371—406.

опасности караванных путей. Единодушие, существующее в этом отношении у арабской нации, помогает Магомету.

Еще до Магомета арабы составляли одну нацию и не были чужды национальной гордости, присущей всякому кочевому племени.

«Богатство, тонкость и красота арабского языка тоже способствовали этому духу» (А. Мюллер).

Социально-политические условия и экономические нужды тогдашней Аравии сделали из Магомета государственного деятеля, благо он обладал умом и организаторскими способностями. Своими успехами Магомет обязан ни своему пророчеству, ни своей религии, а тому, что исламское движение представляло из себя вначале социально-политический фактор».

Ссылкой на Р. Дози Мустафа Кулиев пытается доказать это «реализмом» арабских поэтов доисламской эпохи,

«... никогда не упоминавших о религии в своих произведениях. Безверие и атеизм арабов подтверждается самим кораном. Арабы пустынь еще более недоверчивы и двуличны. По сравнению с горожанами они больше склонны игнорировать религии, возведенные пророками. Некоторые среди них рассматривали закят как насильственный налог. На такой атеистической почве зерна религии не могли прорасти».

Учение Магомета не имело успеха в Мекке. Арабская знать противилась новой религии. Своим сарказмом и преследованиями она принудила Магомета бежать в Медину, а его сторонников — в Абиссинию. В Медине обстановка была иная: учение Магомета уже заранее понравилось мединцам, которые считали вообще хорошим то, что меккане считали плохим. В успехе «пророка» у мединцев играл роль и другой фактор: они принимали его за Мессию, о котором твердили им подвластные им иудеи».

Автор приводит еще одно обстоятельство, на которое указывает Р. Дози: Медина нуждалась в восстановлении общественного порядка и в этом «можно было надеяться на пророка». Наконец, Магомет представлялся мединцам как человек, который мог бы помочь им завладеть Меккой.

«Магомет стал у мединцев государственным деятелем, восстановил порядок и безопасность, а также создал и выгодные условия для торговли. Он усилил авторитет власти среди анархистствующих племен, прекратил столкновения между ними».

Ссылаясь на «Новый Восток», Кулиев намекал на какой-то документ-договор, заключенный якобы между Магометом и мединцами, в

котором говорилось лишь о гражданско-политических атрибутах Пророка, а затем привел следующую цитату:

«Никакой разницы не существовало между идолопоклонниками, иудеями и мусульманами. Это доказывает, что в Медине Магмет не занимался религиозными делами».

Докладчик останавливается затем на одном предположении Л. Каэтани о возможности существования отдельного договора между Магометом с курейшитами, по которому им гарантировалась безопасность, а также сохранность их добра и своей религии и, кроме того, доходов от своих святилищ. Они сохраняли идолопоклонство даже после покорения Мекки и «только впоследствии обращались частично в ислам». Под влиянием иудейства и христианства идолопоклонство приходило в упадок.

Отвечая на свой же вопрос, почему арабы не приняли иудейства, столь близкого им учения, Кулиев ссылается на М. Рейснера относительно «несовместимости двух миров различных концепций» и сам добавляет:

«Древняя концепция Иудеи зиждется на земледелии, тогда как новая идеология Магомета осуществлялась под влиянием воинствующего капитала»¹⁸⁷).

Глава II

Переходя к главе «Причины распространения ислама», Мустафа Кулиев ссылается опять-таки на Л. Каэтани и объясняет это геолого-климатическими условиями Аравии, мало пригодной для жизненных условий.

«Таким образом, то, что побудило арабов выйти за пределы их страны и распространять свою доминацию силой оружия, было не во имя религии, не ради веры в бога, не из-за верности пророку или вожделения рая, а просто из-за материальных условий, голода, нужды и борьбы за жизнь».

С другой стороны, по мнению М. Кулиева, успеху арабского оружия способствовал упадок Персии и Византии. Вместе с тем он воздает должное храбрости, мужеству и стойкости арабов, закаленных в борьбе за свое существование. Первые распространители Ислама, как Халид-ибн-Велид, Омар и др., «будучи сами идолопоклонниками», вели себя как настоящие полководцы, жаждущие не Ислама, а завоеваний. Магомет, будучи «большим организатором, искусным дипломатом, человеком твердой воли», поставил на первый план экономические

¹⁸⁷) «Коммунист», 21. 6. 1928.

нужды разбросанных арабских племен и достиг создания сильного арабского государства. Впрочем, «агрессивный характер исламистского движения продолжал существовать не только при Магомете, но и при Абубекире и Омаре. Оба эти халифа «весьма правильно поняли», что для поддержания порядка и спокойствия внутри необходимо заручиться новыми и новыми победами на стороне.

Глава «Причины распространения Ислама» заканчивается следующим заключением азербайджанского комиссара:

«Лишь наивный и невежественный мулла может претендовать на то, что Магомет был послан богом, что сам бог существует и что арабское движение носило характер религиозный. Грамотные же люди, имеющие понятие об истории и науках, толкуют события, происшедшие в Аравии в VI веке, совершенно по иному. Всякий грамотный человек легко может демаскировать пустословие фанатичных невежественных мулл, которые в своих корыстных целях выдумали религиозные правила, якобы установленные богом, или божеские предписания»¹⁸⁸⁾.

Глава III

В следующей главе Кулиев пытается установить психологические причины «принятия ислама как религиозного учения» другими народами. Но здесь он, указав на положительную роль греко-персидских миссионеров (?) в деле распространения Ислама среди идолопоклонников, отходит от основной темы, атакуя Ислам как религию:

«Турецкие султаны, иранские шахи, мусульманские ханы использовали ислам как орудие тирании, ига и порабощения. После того, как эмиры и сановники укрепились в своих замках, ислам стал опорой феодализма. Возведя китайскую стену между мусульманскими народами и цивилизованным миром, ислам приостановил их культурную эволюцию, убил в них желание жить более культурной жизнью до того, что мусульманские государства, скованные исламистским обскурантизмом, средневековой концепцией и фикциями, стали пленниками европейского империализма. Ислам укрепил в народах дух деспотизма, он обратил их в рабов.

Только теперь, после Октябрьской революции, народы Востока начинают освобождаться от феодального порабощения».

¹⁸⁸⁾ Там же, 22. 6. 1928.

Приведя примеры антиклерикальных движений в Турции, Иране и в Афганистане, упразднение халифата и т. д., Кулиев добавляет:

«Но набожные мусульмане не хотят отрешиться от феодального строя. Упразднение халифата побудило их собраться в Мекке и в Египте для обсуждения вопроса о его реставрации».

После этого М. Кулиев переходит к анализу самого Корана¹⁸⁹). Он говорит:

«Если присмотреться глубже, то откровения Корана меняются весьма часто. Коран был создан полудикими арабами и использован феодалами, султанами и эмирами в своих интересах. Поэтому Магомет с трудом докажет, что он является единственным автором этой ветхой, пыльной, толстой книги, оказавшей кровавые услуги падишахам и феодалам»¹⁹⁰).

Глава IV

Продолжая свой «анализ» Корана, Кулиев утверждает, что он был переделан после смерти Пророка, по крайней мере, два раза при халифах, а затем и еще «много раз».

Отметив наивность научного содержания Корана, он переходит к его идеологии и говорит:

«Коран — отражение частной собственности и индивидуального торгового капитала. Коран развивает в мусульманах дух повиновения (рабства)».

В доказательство своих тез, Кулиев приводит некоторые цитаты из Корана:

«Аллах сделает все, что захочет. Он имеет на это возможность. Аллах определил все заранее. Он сотворил человека по своему усмотрению. Он удлиняет жизнь старожиллов, и укорачивает жизнь у других, и все это по заранее определенному плану. Все это очень легко в руках божьих. Он — фюркан, т. е. путь спасения. Поэтому следуйте за ним. Бойтесь бога, может быть он простит ваши грехи».

«Таким образом, — заключает Кулиев, — коран убивает в людях желание совершенствоваться».

«Аллах одарит, кого захочет, несметными богатствами», — цитирует далее Кулиев. Это дает ему основание заметить: «Значит Аллах защищает имущество богатых и обращает трудящихся в рабов».

¹⁸⁹) Там же.

¹⁹⁰) Там же.

Приводя другую цитату из Корана: «не смотрите даже украдкой на богатства, дарованные нами некоторым семьям», — Кулиев делает следующий вывод:

«Аллах санкционирует неравенство, подчинение неимущих и запрещает протестовать против эксплуатации. Коран рекомендует людям терпение и выносливость: «Молись, переноси несчастье безмолвно... При ходьбе не спеши, при разговоре не возвышай голоса...»¹⁹¹⁾.

Затем Кулиев произносит здесь следующие кощунственные слова:

«Вот он, идеализируемый мусульманами Аллах: самодур, сутяга, жестокий, эгоист, требующий слепого, безусловного повиновения! На таких же началах воспитываются султаны, ханы, помещики и торговцы. Условия же культурной революции совершенно другие: мы должны воспитать новых людей, сильных, инициативных, способных двигать горами, людей, готовых отдать свою жизнь за интересы бесклассового общества, организаторов новой жизни!

Следуя нашим идеалам, мы должны перемениться в корне, выпустить из наших вен кровь ислама и религии, выскоблить исламскую грязь из нашего тела острым ножом!»¹⁹²⁾.

Прочитывая еще некоторые места из Корана и снабдив их резкими комментариями, комиссар иронизирует относительно рая, обещанного набожным:

«Рай не что иное, как продолжение блаженства паразитов и их классовых привилегий на земле: сады с прохладными текучими ручьями, вечно девственные гурии, вкусные блюда, не опьяняющее вино, словом такое же мещанское довольство, которое создала буржуазия на земле».

Дальше Кулиев цитирует ироническое замечание М. Рейснера о том, что как мусульманам, так и христианам следовало бы теперь модернизировать их рай и ввести туда те удобства, которыми окружены сегодня американские миллиардеры — яхты, автомобили, виллы, собственные поезда и т. д.

¹⁹¹⁾ Приведем полный текст соответствующих аяе: «Не смотрите с вождением на материальные блага, дарованные нами некоторым из вас, ни на блеск довольства. Мы даем эти блага как испытание. То, что хранит (для вас) ваш Бог, имеет большую цену, большую продолжительность» (Коран, сура 20, аяе 130–131). «Мой сын! Произнеси твою молитву, рекомендуй добро и проклинай зло. Переноси терпеливо испытания, посланные Свыше, обладай твердостью духа. Не смотри свысока на тебе подобных и не ходи по земле с чванством: Бог не любит самохвалов. Умерь твои шаги и понизь твой голос» (Коран, сура 31, аяе 18).

¹⁹²⁾ «Коммунист», 26. 6. 1928.

В заключение Кулиев сомневается, чтобы современного человека, создавшего технику, победившего воздух, старающегося трансформировать мир по своему желанию, можно было бы соблазнить раем Магомета.

Глава V

В этой главе М. Кулиев клеймит Ислам за его отношение к женщине.

«Ислам заклеил женщину проклятием, поработив ее, сделав из нее предмет похоти мужчин... Женщина рассматривается кораном глазами кочевого араба, жившего более 1 000 лет тому назад, а феодалы, ханы и торговцы, переняв легко дикие обычаи арабов, сковали женщину цепью рабства... Столетиями, тысячелетиями ислам держит женщину в четырех стенах, где она томится, проливает кровавые слезы, переживая невообразимые страдания. И все это делается по божьему велению, по шариату «пророка!»^{192}».*

Изложив взаимоотношения, которые, по его мнению, установил Коран между мужем и женой во вред последней, критик восклицает: «нет слов для квалификации таких диких законов»!

По уверению Кулиева, Коран не признает за женщиной и права собственности. Он, правда, ссылается на пример «буржуазной Турции», которая приняла закон от 4 октября 1926 года об «Упразднении шариата», но он это считает недостаточным.

«Только в советских краях мусульманка освобождена полностью, стала равноправным членом общества, вошла в культурную и политическую жизнь. Все-таки надо еще работать упорно, чтобы окончательно освободить трудящихся женщин и повысить их культурный уровень.»

^{192*)} Все эти утверждения азербайджанского комиссара весьма тенденциозны, ошибочны, неверны и преследуют определенные цели. А. Maïtrot de la Motte Capron в своем труде «La femme dans le Coran», Alger, 1948, p. 7, пишет: «Никогда, нигде, ни в одной аие Корана я не встретил ни слова, которое ставило бы женщину в положение низшего существа, недостойного культурного общества. Наоборот, Пророк с самого начала Корана призывает к хорошему отношению к женщине, которая была, есть и будет матерью каждого мусульманина. «Уважайте чрево, которое вас носило» (Коран, IV—I). Проф. О. Pesle в своей книге «Nouveaux regards sur l'Islam», Alger, 1950, p. 35 приводит следующие слова Пророка: «Обращайтесь к женщинам при совместной жизни любезно. Вы, может быть, можете иметь антипатию к ним, но бывает, что то, к чему вы чувствуете антипатию, может служить источником счастья для вас». Известный поэт и писатель Туни-са и Триполи, шейх Мохаммед-эль-Сенуси в своей книге «Epanouissement

Надо уничтожить нравы и устои ислама, бороться против мещанства, т. е. выбить кнутом религию и ислам с его гнилыми законами»¹⁹³).

Глава VI

Наконец, М. Кулиев переходит к вопросу о мнимом тождестве некоторых идей, изложенных в Коране, с коммунизмом. Он приписывает эту инициативу муллам, «которых завелось особенно много в Татарстане», и говорит:

«Журнал «Наука и религия» ведет длинные дискуссии с этими муллами. У нас тоже есть некоторые безграмотные «ин-

de la fleur» приводит следующие слова Пророка: «Лучший верующий это тот, который обращается с большой нежностью и деликатностью с женщиной» (A. Maïtrot de la Motte Capron, op. cit.). Что касается закрытия лица, то мы должны указать, что об этом ничего не сказано в Коране. Обычай этот существовал задолго до Ислама. Все известные историки и теологи-исламоведы — Табари, Джуси, муфтий Мухаммед Абдо, Кязим Эмин, автор труда «Tahrirul-Meraf» («Освобождение женщины»), Саïго, 1889, Сидки Захави, б. закавказский муфтий Гусейн Эфенди Гаïбов и др. согласны с тем, что Коран не только не запрещает закрывать лицо и руки, но даже рекомендует держать их открытыми. Общеизвестна также роль мусульманок, которые правила своими народами наряду со своими мужьями: Буран, жена халифа Аль-Маймуна; Джаханара Бегум, дочь Шах-Джахана; Сикандер Бегум, вдова Джангир Мохаммеда (Бопальского короля); сама Айше, жена Пророка; Арджуменд Бану Бегум, жена Шах-Джана и др., о деяниях которых можно найти сведения в «Исламской энциклопедии». То же самое можно сказать о мусульманках Кавказа: жена Фатали-хана Кубинского отстояла крепость от атаки своего брата, который, желая воспользоваться отсутствием хана, хотел занять город; Натеван (кумир Советов в области поэзии) была авторитарной правительницей обширного Карабаха, а Талышинской ханши опасался сам Петр Великий.

Все эти мусульманки руководили, не закрывая, очевидно, своих лиц. К. Елпатъевский сообщает нам, что жены тюрко-монголов принимали также активное участие в управлении своими странами. Они обнародовывали указы и утверждали власть губернаторов, увеличивали и уменьшали налоги и т. д. Жена Джанибека — Тайбулла даже подписала указ об упразднении всяких налогов с русского духовенства. Более того, во время официальных приемов жены ханов Золотой орды занимали почетные места около своих мужей. Об этом свидетельствует также Джованни да Плано Карпини, который путешествовал по этим странам («История монгалов», СПб., 1911). Наконец, говоря о правах мусульманок, мы должны отметить, что замужние мусульманки имеют более широкие права, чем некоторые христианки. Так, например, по кодексу Наполеона француженка не имела права иметь счета в банке, в то время, как мусульманка по шариату может свободно распоряжаться своим имуществом, что признается и французскими исламоведами (см. «La documentation française», 13. 10. 1955, Paris).

¹⁹³) Там же, 17. 6. 1928.

телигенты» и даже наивные члены партии, которые под влиянием этих мулл готовы утверждать, что в коране имеется много положительных мест, что некоторые идеи корана сходятся с нашей программой и т. д.»

Противопоставляя режиму закята, предписанному Кораном, режим ашара (десятичный сбор), автор замечает:

«Благотворительность корана похожа на благотворительность миллионера, дающего гроши как милостыню... Только люди, ослепшие от религиозного фанатизма, проникнутые с головы до ног мещанским духом, могут на основании этих положений говорить о «демократичности корана...» Какую страницу корана ни откроешь, увидишь там выпученные глаза араба-торговца, араба-дельца. Во всех аяе корана проглядывает дух воинствующего торгового капитала. В глазах арабского коммерсанта рай другого мира представляется как идеал директоров крупных предприятий, зарабатывающих горы дирхемов (драхмов), или торговцев, мечтающих о спокойной бездельнической жизни. Таким образом, ислам с его торгашеской идеологией является главной опорой мещанства... Ислам с его шариатом, состоящим из традиций и нравов полудиких арабов, примененный к авторитарной системе султанов и ханов и использованный как таковой, воздвигает китайскую стену на пути к культурному движению. Октябрьская революция просверлила в ней большую брешь. Но мы должны совершенно уничтожить ее, чтобы очистить путь к окончательной победе.»¹⁹⁴⁾

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Культурная революция» и меры, принятые ЦК партии Азербайджана, развязывали руки антирелигиозным элементам в их «штурме» религии. Это тем более, что наступал период коллективизации и местные органы власти и партии держались наготове ввиду противоклассового движения, замечавшегося в деревнях. Атака шла, главным образом, против мечетей и против мулл, охватывая рикошетом и «кулаков, эту опору религии». Но, видно, Центр оценивал положение более реалистически, чем местные коммунисты, которые часто оставались позади событий. Поэтому, предвидя опасные симптомы твердого сопротивления в ответ на неистовствование усердствующих безбожников, партийцев и комсомольцев, ЦК ВКП(б) призвал их к порядку, вследствие чего появилась сенсационная статья главы Азербайджана С. М. Эфен-

¹⁹⁴⁾ Там же.

диева в «Коммунисте», о чем мы говорили в главе о закрытии мечетей. Для Центра в этот период успешное проведение коллективизации в консервативной и индивидуалистической мусульманской среде было важнее, чем спешная дезисламизация.

Председатель Азербайджанского ЦИКа в свою очередь постарался возложить всю ответственность на Наркомпрос. Его статья носила разоблачительный характер, касаясь и других областей деятельности Мустафы Кулиева, кроме антирелигиозной кампании: «раскрепощение» мусульманки путем насильственного девуалирования, замена папах кепками, «снятие чадры, сбивание папах с головы и пр.».

Эфендиев писал далее:

«Все эти принудительные реформы, проводимые полицейскими мерами, привели к весьма вредным результатам». Вместо того, чтобы ликвидировать в некоторых районах Азербайджана (Закатальский округ) не упраздненные еще медресе и мектебе, наш наркомат по просвещению запрещает вход в театры мужчинам с папахами и женщинам с чадрами»¹⁹⁵).

Отмечая, что «методы принудительных реформ по образцу Мустафа Кемала не годятся для советского Азербайджана», Эфендиев так продолжал свои критические замечания:

«Тогда как нам предоставляется обширное поле деятельности для раскрепощения тюрчанок и борьбы с религиозным фанатизмом, у нас борьба с этими явлениями очень часто велась не культурно-просветительными методами, а мерами административными».

Касаясь вопроса о насильственном отобрании мечетей, Эфендиев делает следующее заключение:

«Это обстоятельство, плюс насильственное снятие чадры, торжественное аутодафе крестьянских папах (в Ленкоранском уезде), недобровольная замена чадры красным платком, а папахи — кепкой (крестьяне ничего не поняли в этих «реформах») породило недовольство и пассивное сопротивление со стороны старозаветного крестьянства, давая повод муллам и кулакам мобилизовать темные силы против Советов».

Председатель Азербайджанского ЦИКа заявлял далее, что «в результате роста влияния духовенства» и несмотря на разные запрети-тельные декреты правительства, в стране развивалась полигамия, выдача замуж несовершеннолетних, насильственная выдача замуж, параллельные браки (перед ЗАГС'ом и перед муллою) и «прочие отдельные пережитки ислама».

¹⁹⁵) Там же, 22. 10. 1929.

Наконец, Эфендиев предлагал не уклоняться от «правильной классовой линии в борьбе с религией и ее предрассудками».

Еще до появления этой разоблачительной статьи, в период массового наступления на Ислам, пресса заговорила о «преступной деятельности» духовенства в провинции, «возбуждавшего население против Советской власти». Газета указывала на некоторые районы (Шекинский, Геокчайский, Закатальский), где население отличалось особой враждебностью к антирелигиозным мерам. В последнем районе был убит председатель районного исполнительного комитета, «энергично боровшийся против предрассудков»¹⁹⁶).

Окрик ЦК ВКП(б) и язвительная критика председателя Азербайджанского ЦИКа методов «культурной революции», проводившихся наркоматом просвещения Азербайджанской ССР, внесли некоторое замешательство в ряды усердствовавших безбожников, партийцев и комсомольцев. Пресса стала развивать идею, высказанную Эфендиевым, относительно применения «правильной классовой линии» в борьбе с религией и ее «предрассудками». Система «кампании» с ее административными мерами должна уступить место «энергичной и солидной подготовке постоянного плана», а для этого требуются «ученые и политически подготовленные кадры», которых весьма мало.

С этой целью в Баку и в его районах будут организованы около 35 кружков «борьбы с религиозными предрассудками». Но дело тормозится из-за отсутствия руководителей и пассивного отношения партийно-правительственных органов¹⁹⁷).

Неизвестно, насколько долго антирелигиозные органы (иначе говоря, просто правящие круги) как на местах, так и в Центре придерживались бы этого «терпеливого метода», если бы наступившие вслед затем кровавые события в связи с коллективизацией — вооруженное сопротивление в некоторых районах и репрессии властей — не внесли опять элементы насилия над верующими и духовенством, в которых большевики видели вдохновителей сопротивления. Общеизвестны факты массовых арестов, депортаций и расстрела мулл. В то же время эти обстоятельства развязывают руки властям в деле закрытия мечетей.

Так продолжалось до 1933 года, после чего наступило некоторое затишье на «фронте» антирелигиозных экспериментов на всей территории СССР. У правящих кругов появились новые предметы забот в связи с агрессивными планами Гитлера, поэтому надо было создать известную атмосферу солидарности между правителями и населением. Новый лозунг «советский патриотизм» не клеился с насильственной атеизацией народов Советского Союза. С другой стороны, антирелиги-

¹⁹⁶) Там же, 2 и 8. 8. 1928.

¹⁹⁷) Там же, 31. 10. 1929.

озные руководители уже предвещали «смерть богов» по всей стране, уверяя, что с религиями уже покончено, в доказательство чего приводили следующую статистику за десятилетний период:

	% верующих	
	1924 г.	1934 г.
Мужчины до 24 лет	62,6	1,0
Женщины до 24 лет	71,5	12,0
Мужчины от 25 до 39 лет	71,4	3,2
Женщины от 25 до 39 лет	100,0	26,5
Мужчины от 40 до 59 лет	100,0	14,5
Женщины от 40 до 59 лет	100,0	47,9 ¹⁹⁸⁾

Касалась ли эта статистика, если даже принять ее всерьез, всех религий или только одной православной, неизвестно. Если всех, то каково же было процентное соотношение мусульман вообще и азербайджанцев в частности? Другой вопрос: что служило критерием для статистики безбожников? Если непосещение церкви или мечети, то эта статистика не может быть принята как точная. Во-первых, мусульмане, особенно, в советское время, не всегда посещали мечети и молились большей частью у себя дома. Во-вторых, огромное количество церквей и мечетей было закрыто. Другой же критерий найти трудно, если, конечно, исключить систему индивидуальной слежки.

Как бы там ни было, гонения на религию и на духовенство возобновились с новой силой в 1937 году. Газеты стали метать громы и молнии по адресу ряда высших служителей христианской церкви, а также и мулл. Много духовных лиц было арестовано, а некоторые расстреляны^{198*)}.

«Известия» опубликовали целый список священников (в том числе и епископов), которым инкриминировались те же самые «преступления», как и высшим партийным сановникам этого периода чистки, — шпионаж в пользу Германии и Японии, связь с иностранными разведками и пр. и пр.¹⁹⁹⁾.

¹⁹⁸⁾ «Известия», 1. 1. 1937; «Правда», 25. 2. 1937.

^{198*)} «Безбожник», цит. «Возрождение» от 8. 4. 1938, Париж; «Бакинский рабочий», 9. 6. 1937. Среди высших служителей церкви, подвергшихся репрессиям, называли, между прочим, имена митрополитов Серафима, Виссариона, Виталия, архиепископа Питирима, епископов Лебедева, Курловского, Ветлужского, Масловского, Туберезова, Боярского и др. Репрессии коснулись и мусульманского духовенства: было арестовано около 42 религиозных служителей во главе с муллой Тарджумановым, а в Азербайджане власти стали преследовать бехаистов, находившихся якобы в связи с иностранными разведками.

¹⁹⁹⁾ «Известия» и «Правда», 22 и 23. 11. 1937.

Помимо шпиономании, занимавшей воображение советских вождей, были и другие причины более реального характера, чем эти фантастические обвинения: перепись 1936 года, результаты которой были аннулированы из-за «технических недостатков», явилась живым опровержением всего того, что утверждали до этого большевики о «смерти богов». Верующих в стране оказалось гораздо больше, чем предполагали. С другой стороны, кроме «чистки», шли выборы в Верховный Совет и надо было, на всякий случай, гарантировать партию и правительство от возможных сюрпризов со стороны верующих, которые «уже шевелились».

С этих пор атеизация страны пошла усиленным темпом, но без крикливых, демонстративных форм, методически и твердо. Но эта миссия уже передана в руки «Общества по распространению политических и научных знаний».

До войны обстоятельства принудили большевистских вождей заключить в глазах общественного мнения союзных демократических стран своего рода «религиозное перемирие». Но, повидимому, это «перемирие» не переставало тяготить коммунистических идеологов, и передовая «Правды» от 23 июня 1954 г. предвещала уже конец религиозного нэпа, продиктованного в свое время внешними обстоятельствами. Да иначе и не могло быть: или большевизм должен исчезнуть, или пересмотреть свое отношение к религии.

Что касается, в частности, мусульман, в том числе и азербайджанцев, то времена «концессий» уже давно прошли. Наоборот, теперь замечается особая пропаганда против Ислама; стоит лишь сличить отзывы об Исламе в Большой советской энциклопедии издания 1929 и 1953 гг.

Вот, что констатируют Лазаревы, директор парижской газеты «France-Soir» и его супруга, побывавшие в 1954 году в СССР и изучившие почти все стороны жизни страны:

«В отношении мусульманской религии Советы преследуют такую же политику, какую они преследовали в отношении православной церкви, усиливая в мусульманских краях антирелигиозную пропаганду и допуская в некоторых мечетях исполнение обрядов через духовенство, подчиненное местной или центральной власти»²⁰⁰).

Пакистанский доктор, побывавший в Центральной Азии в 1952 году, констатирует также усиленную дезисламизацию казахов и киргизов, у которых, как он выражается, замечаются «последние судороги агонизирующего Ислама»²⁰¹).

²⁰⁰) «Paris-Soir», 11. 8. 1954.

²⁰¹) «Dawn», Karachi, December, 1952. См. книгу: Monteil «Essais sur les peuples musulmans en URSS», 1952.

В Узбекистане молодежь избегает указывать свое мусульманское вероисповедание. Относительно Азербайджана у нас нет официальных данных, но припомним, что в смысле подготовленности к восприятию антирелигиозной пропаганды Азербайджан был поставлен впереди Узбекистана.

Сведения об авторе

Джейхун-бей Хаджибейли родился 3. 2. 1891 г. в г. Шуше (Карабах) в Азербайджане. Среднее образование получил в Шушинском и Бакинском реальных училищах, высшее — в Петербургском университете (юридический факультет), учился также в Сорбонне и в Парижской Школе политехнических наук. С юных лет сотрудничал в газетах «Каспий», «Прогресс», «Баку», «Иршад» и «Таракки» в Баку; «La Revue du Monde Musulman» в Париже и «Русская молва» в Петербурге.

В 1917 г. Д. Хаджибейли редактировал газету «Иттихад», а затем «Известия Мусульманского национального комитета» в Баку. После объявления независимости Азербайджана он был назначен редактором правительственного органа «Азербайджан» на тюркском языке (сентябрь 1918 г.). В 1919 г. был избран членом национальной делегации на Мирную конференцию в Париже. После захвата Азербайджана большевиками Д. Хаджибейли остается в Европе и продолжает свою политическую и научную деятельность, сотрудничая в ряде французских журналов и газет: «La Revue du Monde Musulman» (Здесь опубликовал, наряду с другими статьями, работу «Первая Мусульманская Республика — Азербайджан»), «Le Bulletin du Comité France-Orient», «La Revue Contemporaine», «La Revue Politique et Parlementaire», «La Revue des Jeunes», «Psyché», «Le Figaro», состоял в течение нескольких лет сотрудником всемирно известного французского журнала «La Revue des Deux Mondes». В указанных выше журналах помещено большое количество его статей о советской политике. Наконец, состоя членом «Société Asiatique» — старейшего центра французских ориенталистов, сделал ряд докладов об Азербайджане и написал научную работу «Диалект и фольклор Карабаха (Кавказский Азербайджан)», 144 стр., изд. «Le Journal Asiatique» (январь-март 1933 г.), «История прессы в Азербайджане» («Asiatic Review», Лондон, 1930) и многие другие. Д. Хаджибейли, кроме того, принимал активное участие в Кавказской зарубежной прессе, редактируя французское издание журнала «Кавказ» в Париже и «Азербайджан» в Париже и Мюнхене.

Деятельность автора настоящей монографии проявилась и в другой области: он является соавтором первой азербайджанской оперы «Лейли и Меджнун» (1907 г.), известного композитора Узеира Хаджибейли (Гаджибекова), брата автора (см. первое издание оперы в Баку,

в 1911 г., носящее имя обоих братьев, но имя Джейхуна Хаджибейли снято с титульного листа в последующих изданиях в советское время).

Д. Хаджибейли перевел также на французский язык известную музыкальную комедию У. Хаджибейли «Аршин мал алан», которая была поставлена в французском театре «Femina» на Елисейских полях комитетом «France-Orient».

В настоящее время автор данной монографии является членом Редакционной Коллегии и редактором Азербайджанской секции Кавказского Сборника, издающегося Институтом по изучению СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. Октябрьская революция и Ислам	7
II. Советы в роли защитников Ислама	11
III. Некоторые концессии мусульманам в религиозном вопросе	15
IV. Реакция азербайджанского народа на антирелигиозную кампанию в ее начальном периоде	19
V. Кампания против Мухаррема	21
VI. Кампания против духовенства	36
VII. Борьба против Рамазана	45
VIII. Борьба против Курбан-Байрама и других религиозных праздников	50
IX. Деятельность Союза воинствующих безбожников (СВБ)	53
X. Литературная пропаганда	61
XI. Закрытие мечетей	62
XII. Фронтальная атака на Ислам	65
Заключение	79

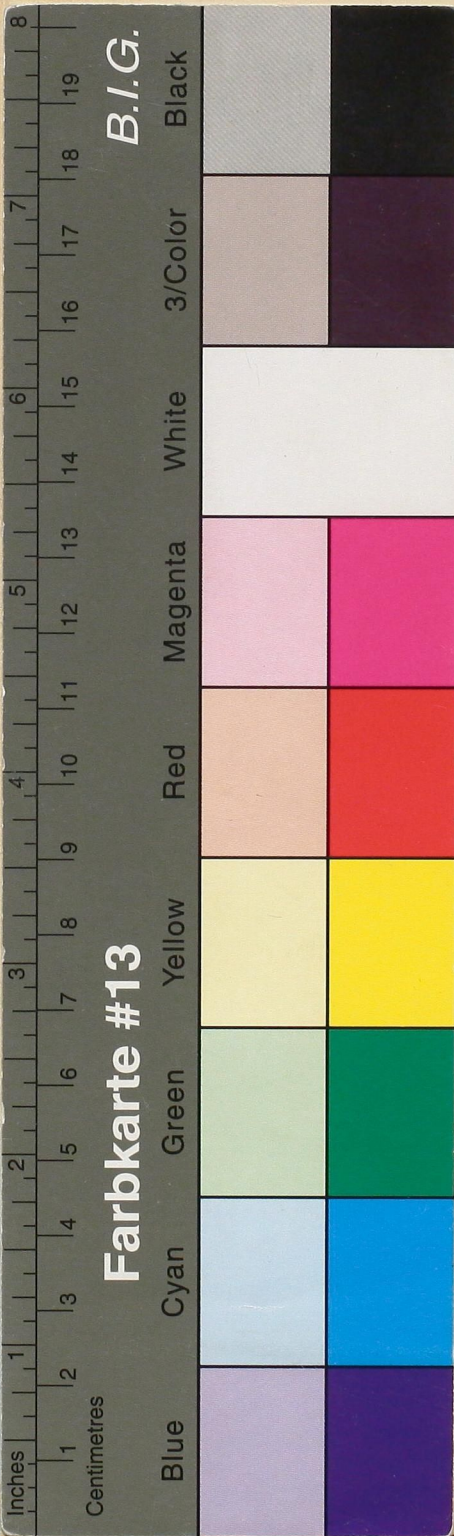
00 SA 5324

ULB Halle 3
002 336 030

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР

Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

НИИ И МАТЕРИАЛЫ
№ 1-я, выпуск 50)

Мухун Хаджибейли

Советская пропаганда
и
в Азербайджане

Мюнхен
1959

